

Ирина Богданова

Мечта

ДЛИННОЮ
В ЛЕТО

Ирина Богданова
Мечта длиною в лето

«Сибирская Благовонница»

2012

УДК 398
ББК 84.2 (2Рос=Рус) 6-44

Богданова И. А.

Мечта длиною в лето / И. А. Богданова — «Сибирская
Благовонница», 2012

ISBN 978-5-00127-403-2

Опасно читать случайные электронные письма, даже если они отправлены на твой адрес, – понял шестиклассник Фёдор Румянцев, когда благодаря своему любопытству отправился на розыски таинственной рукописи с крюками. Он и предположить не мог, что в заброшенной деревеньке на краю болота окажется в центре головокружительных событий, примет участие в крестном ходе и увидит, как сила человеческого духа, обращённого к Богу, может побороть стихию огня. Всего за одно лето Фёдор успеет стать настоящим мужчиной, потому что узнает цену верности, самопожертвованию и крепкой дружбе. Ну а найденная рукопись приоткроет дверку в удивительный мир древнерусских знаменных распевов, которые ещё до конца не расшифрованы.

УДК 398

ББК 84.2 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-00127-403-2

© Богданова И. А., 2012

© Сибирская Благовонница, 2012

Ирина Анатольевна Богданова

Мечта длиною в лето

© Богданова И.А., текст, 2012

© Издательство Сибирская Благовонница, 2012

– В одном чёрном-чёрном доме стоит чёрный-чёрный стол. На этом чёрном-чёрном столе стоит чёрный-чёрный компьютер, – проговаривал про себя Федя, торопливо нажимая кнопку «Пуск» на компьютере сестры Юльки, вредной, как сто китайских мопсов.

Почему мопсы вредные и почему их именно сто, Федька объяснить не мог, но сестру характеризовал именно так, и никак иначе.

Если Юлька увидит, что он без её разрешения шарит по Интернету – пиши пропало. Крик поднимется на весь дом.

Папа сразу демонстративно поднимет брови и сделает громче телевизор, а мама произнесёт свою любимую фразу:

– Будете ссориться – выброшу компьютер в окно.

Но все знают, что компьютер в окно не вылетит – за него деньги заплачены, а мама пошумит-пошумит и уйдёт в кухню готовить ужин.

День выпадал на редкость удачный: Юлька ещё не заявила из своего педагогического университета, в котором она училась на четвёртом курсе, мама и папа задерживались на работе, а компьютер – вот он, стоит, голубчик, отблёскивает чёрной клавиатурой и призывно мигает зелёным глазом, приглашая с головой погрузиться в новую игру с приключениями, стрельбой из огромных бластеров и головокружительными погонями.

Про игру рассказал Данька Мальков на уроке математики, он же посоветовал, как зарегистрироваться, чтобы сразу попасть на второй уровень.

Федины пальцы с обкусанными ногтями уверенно нажали нужные клавиши, замедлив ход у кнопки «Enter», и щёлкнули мышью на ярлычок почты, чтобы проверить, прошла ли регистрация.

Письмо пришло, нарисовавшись жирной единичкой напротив его мейла, и Фёдор в предвкушении потёр руки:

– Йес! Сейчас узнаем пароль для входа.

Открывшееся письмо выглядело так странно, что у Феди захватило дух: неужели его сразу вывели на высший уровень, полный тайн и загадок?

Но, прочитав текст несколько раз, он задумчиво поскрёб коротко остриженный затылок и призадумался: полученное письмо к игре явно не относилось.

В почту пару раз попадали чужие письма, а всё потому, что у него мейл с цифрами, которые легко перепутать.

– Примитивный, – так презрительно отозвалась Юлька, готовая прицепиться к любому Федькиному делу.

А зачем мудрить, если в коротком электронном адресе fr6b13@mail.ru можно зашифровать всю свою нехитрую биографию: Фёдор Румянцев, 6 «Б» класс, 13 лет.

– Ты бы ещё написал: курносый и толстый, – съязвила сестра, когда он объяснил ей систему выбора мейла.

– Сама ты толстая и курносая, – обиделся Фёдор, глядя на высокую стройную Юльку, вечно крутящуюся у зеркала. И добавил, зная, чем больнее уколоть сестру: – К тому же – хвостистка.

Удар попал в цель, и Юлька сразу сникла, словно проколотый воздушный шарик. Училась она из рук вон плохо, после каждой сессии таща за собой длинный хвост из несданных экзаменов.

– Нос вытащит – хвост увязнет, – расстроено говорила в таких случаях мама, подсчитывая, сколько придётся снова платить за пересдачу.

– Не хочет учиться – пусть идёт в дворники, – сердито отвечал ей папа. – Если до девятнадцати лет ума нет, то уже и не будет.

Его, Фёдора, родители давно бы выгнали из дома, если бы он таскал столько двоек. А Юльке хоть бы хны. Родители её поругают минут пять, а потом всё равно простят. И за университет платят, и на дискотеки денег дают, и на наряды.

– Это потому что я любимица, – как-то раз сказала брату Юлька в ответ на его недовольное бурчание, что у некоторых по три серьги в каждом ухе, а у него мобильник стыдно из кармана достать, вот-вот на части развалится.

Мальчик ещё раз взглянул на монитор, словно надеясь, что письмо стало понятнее.

Неизвестный корреспондент с заковыристым адресом из нечитаемого набора букв сообщал:

Если хочешь успеть заполучить рукопись с крюками, ты должен срочно приехать в Подболотье и разыскать бабуку.

Будь здоров. Я.

Случайно взглянув на дату отправления, Федя недоумённо цокнул языком:

– Ну и ну! Совсем сервер сглючил!

Письмо было отправлено два года назад.

Хлопок входной двери заставил компьютерную мышь лихорадочно защёлкать, закрывая окна, палец сам собой нажал на кнопку монитора, и едва экран успел погаснуть, а вентилятор перестал шуметь, как в комнату влетела Юлька. Она с подозрением застреляла глазами по сторонам и ехидным тоном спросила:

– Опять без меня комп включал?

– Очень надо. Если хочешь знать, мне дед на день рождения обещал ноутбук подарить.

При упоминании деда сестра сморщила нос так, словно хлебнула уксуса из маленькой бутылочки, стоящей на кухонном столе. Ещё бы! Дед был единственным, кто с родителями не церемонился и при каждом удобном случае не забывал попенять невестке с сыном:

– Совсем вы девчонку испортили своим попустительством. Учиться – не учится, работать – не работает, одни наряды в голове.

По идее, надо было бы Юльке ответить по-мужски, чтоб не воображала, но втягиваться в перепалку не хотелось. Фёдор вразвалочку подошёл к своему письменному столу, заваленному грудой бумаг, и, подогнув ноги, рухнул на стул.

Текст письма маячил перед глазами, будоража воображение и заставляя просчитывать возможные варианты событий.

Почти наверняка заблудившийся мейл до адресата не дошёл, а значит, загадочная рукопись, обвешанная крюками, по-прежнему находится у неизвестной бабушки. Интересно, зачем крюки? Наверно, вместо замков. А вдруг крюки – это шифр и рукопись показывает, где спрятан клад?

Карандашом, попавшим под руку, Фёдор безотчётно нарисовал пиратский сундук, представляя, как под растрескавшейся от времени крышкой глухо позвякивают золотые монеты и перекатываются жемчужные ожерелья.

Совсем недавно по телевизору показывали, как один фермер нашёл на огороде ящик с серебряными слитками и купил на них трактор.

Взглянув на свой стол, Федя мысленно расчистил место для компьютера, конечно, самого мощного и современного, и представил себя сидящим на новеньком японском скутере «Ямаха». Вот бы Юлька позавидовала... «Как там называлась деревенька? Вроде Подболотье?»

Подперев щеку рукой, он принялся обдумывать, как узнать точно, где это самое Подболотье, и как уговорить родителей отправиться туда на каникулы...

* * *

– Что-то тихо у вас сегодня, – заметила мама, мельком заглянув в детскую комнату.

Длинная комнатка с одним окном была перегородена книжным шкафом на две части – Юлину и Федину. На девичьей половине стояли: компьютерный стол, уютная тахта с грудой подушек и высокий шкаф-пенал. Обстановку мальчишечьей половины составляли лишь секретер и узкий диванчик с висящим над ним самолётом, привязанным к кольцу. Когда Фёдору исполнилось тринадцать, он собственными руками ввинтил это кольцо в потолок, а потом всю неделю выслушивал Юлькин зудёж про то, как он испортил комнату, в которую теперь стыдно пригласить друзей.

– И вообще, – часто любила повторять Юлька с недовольным видом, – из всех моих знакомых только наша семья ютится в двухкомнатной квартире. Все остальные живут как люди. У меня, например, будет не меньше четырёх комнат. Главное – удачно выйти замуж!

«Скорей бы», – бормотал про себя Федя, блаженно представляя чудный миг, когда Юлька соберёт вещи и на белом лимузине, украшенном воздушными шариками, отбудет к богатому жениху. Ради этого момента он покорно терпел разбросанные по комнате девчачьи мелочи – шарфики, гольфики, заколочки и пустые флакончики из-под лака, которые всегда некстати оказывались на его диване.

Вон у Даньки Малькова сестра уехала жить в Германию, так Даньке теперь раздолье! Никто не мешает, не трещит по телефону над ухом и, главное, не отпускает дурацкие шуточки и не даёт ненужные советы, когда не просят.

Мама задумчиво окинула взглядом сидящего на диване сына, который пристально разглядывал географический атлас, и, придав голосу твёрдость, обратилась к дочери:

– Юля, ты помнишь – уже девять?

Федя догадался, что на мамино замечание Юлька презрительно надует губы и изречёт:

– Как хорошо тем, кто один у мамы с папой!

Она всегда так говорила ровно в девять вечера, потому что по договорённости с двадцати одного ноль-ноль компьютер был в Федькином распоряжении тридцать минут.

Удивительно, как он сумел дождаться девяти! Вот что значит сила воли. От желания снова перечитать загадочное письмо у него пропал аппетит, а ноги отбивали чечётку.

Он покосился на сестру и сказал:

– Не заглядывай через плечо.

– Очень надо! Мне твои глупости неинтересны.

Сосредоточенно насупившись, Фёдор открыл письмо, бдительно отслеживая Юлькины передвижения, и вгляделся в короткие строчки, убедившись, что память его не подвела и текст он запомнил слово в слово:

Если хочешь успеть заполучить рукопись с крюками, ты должен срочно приехать в Подболотье и разыскать бабуку.

Будь здоров. Я.

Перекинув ногу на ногу, Юлька принялась смывать лак с ногтей, наполняя комнату удушливо-сладким запахом растворителя и делая вид, что полностью поглощена этим увлекательнейшим занятием.

Проводя ваткой по ногтю, сестра отставляла руку в сторону и любовалась результатом.

Как бы Юлька ни делала вид, что занята, Федя знал, что одним глазом она всё равно косит на экран монитора. Поэтому он постарался сесть так, чтобы прикрыть собой светящиеся строчки.

Открывать письмо повторно Федя не стал, решив, что завтра, когда сестры не будет дома, он скопирует текст в запароленный файл и отправит письмо в корзину. Тайну надо хранить по всем правилам. На сегодняшний сеанс хватит того, что он поищет, где находится это Подболотье.

Подболотье...

Результат оказался неутешительным. Поисковик выдал по меньшей мере десять Подболотий во всех концах страны. Попробуй-ка угадай, какое имелось в виду. Если бы знать, из какого края пришло письмо... А так...

Подболотье Рязанской, Брянской, Вологодской, Новгородской...

А уж сколько живёт во всех этих Подболотьях бабок, и сосчитать невозможно. И ведь хранится же у какой-то из них старинная рукопись. Да не простая, а с крюками!

Эти крюки никак не выходили у Феди из головы. Он так хотел заполучить таинственную рукопись, что ночью спал урывками, то просыпаясь, то снова забредая в своё сонное царство, наполненное свитками манускриптов и ярко блестящим металлом, ввинченным в протез страшной руки капитана Крюка.

Между пятью и шестью часами утра Федька пожалел, что его дед не повёрнут на инопланетянах, как бабушка Даньки Малькова. Даньке поехать в Подболотье (или в любую другую точку России) легко: надо лишь заикнуться бабушке Свете, что, по слухам, в тех краях приземлилась летающая тарелка или местная продавщица встретила в лесу светящуюся фиолетовую гусеницу размером с корову, и готово! Бабуля, схватив внука, рванёт туда на всех парусах, не забыв прихватить с собой фотокамеру и каску.

– Для соблюдения техники безопасности, – как объяснила она мальчишкам.

В отличие от Данькиной бабули, Федькин дед Николай Петрович в инопланетян не верит, НЛО по ночам не отслеживает, да и вообще человек он серьёзный, инженер на заслуженной пенсии.

Немного повздыхав и попив кваса из холодильника, Фёдор решил заболеть. Самое простое – начать кашлять. Не закатываться, хватая ртом воздух, а негромко покашливать, настойчиво и регулярно. Кхе-кхе. Так, чтобы заметили все без исключения. Даже Юлька.

Что за этим последует, он мог легко просчитать.

– Ребёнка необходимо вывезти летом на свежий воздух, – твёрдо скажет мама.

– Делай как знаешь, – ответит папа и, в знак полного согласия с женой, уляжется на диван перед телевизором.

– Николай Петрович, – обратится мама к деду, – нет ли у вас на примете лесного местечка со здоровым климатом?

– Я знаю такое местечко! – вмешается в разговор Фёдор и обстоятельно расскажет, какой необыкновенно здоровый климат в деревне Подболотье и что все его одноклассники на каникулы ездят исключительно в Подболотье и никуда больше.

Обдумав идею со всех сторон, Фёдор решил взять её на вооружение и для репетиции хрипло покашливал, изо всех сил раздувая щёки и морща нос как для чихания.

Спектакль удался на славу, потому что из комнаты тут же послышался мамин сонный голос:

– Сколько я говорила не пить квас из холодильника!

«Сработало! Ура!»

Подпрыгнув от радости, Федька сгорбился и, волоча ноги по полу, потащился к своей кровати, не забывая еле слышно постанывать и покашливать так, чтоб у мамы не осталось сомнений в том, что сын тяжело заболел.

Пересмотрев при свете ночника список Подболотий сверху донизу, Федя остановился на ближайшей области, честно признавшись себе, что на Рязанскую или Хабаровскую область он маму уговорить не сможет, как бы ни кашлял, а максимум чего добьётся – это банки на спину и курс уколов в одно место. Оставалось надеяться, что нужная бабка с рукописью сидит где-нибудь недалеко и из избы ни ногой.

Узкая Федькина кровать с продавленным в середине матрасом легонько скрипнула под коленкой, вызвав ответный шорох из-за перегородки.

Юлька ворочалась шумно, скороговоркой бормоча во сне что-то неразборчивое и грозное.

Дождавшись, когда сестра затихнет, Фёдор свернулся под одеялом, как кот, и заснул. Проспал он почти до обеда, потому что наступила суббота и школа была закрыта на три замка.

* * *

Проснулся Фёдор как от зубной боли, точнее, не от самой боли, а от завывания бормашины, проникающей в самую душу. Бормашиной оказалась сестра.

Лети со мной выше неба, выше неба,
Лети со мной, мы вместе любим делать это, —

на одной ноте выпевала Юлька, мерно раскачиваясь из стороны в сторону с наушниками в ушах. Проводки плеера, подаренного родителями на день рождения, вели в нагрудный карманчик модного спортивного костюма, туго обтягивающего девичью фигурку, и Федька позабывал, что Юлька удалась такая ловкая и стройная, не то что он, увалень, которого одноклассники безжалостно дразнили Хомяком.

Кличка Хомяк прилипла к нему на первом уроке в школе, когда только что севший за парту Федюнька, тряхнув ровно подстриженной чёлочкой, громко зашуршал фольгой от шоколадки.

– Это что за хомяк? – грозно спросила молодая и красивая учительница Светлана Афанасьевна, глядя прямо на розовые щёки первоклассника Румянцева, оттопыривающиеся от забитой в рот половинки шоколадной плитки.

От испуга и неожиданности Федюнькины глаза налились слезами, и он неразборчиво залопотал, размазывая вокруг рта шоколадные усы:

– Я не хомяк, я Федя из детского сада «Ёлочка».

– Здесь у нас не детский сад, – отрезала учительница и снова принялась рассказывать ребятам, как славно и интересно им будет учиться в этой школе и как много они узнают, если станут прилежно делать уроки и слушаться учителей.

Шоколадка растаяла на языке без следа, учительница вскоре перешла работать инструктором по дзюдо, а кличка Хомяк так и осталась, вот уже шесть лет отравляя Феде каждый школьный день.

Сначала Федюнька плакал и пытался дать сдачи обидчикам. Ко второму классу он перестал обращать внимание на дурацкое обращение. И лишь иногда, когда слова говорились с особой издёвкой, наливался краской и был готов мысленно изничтожить врага, давая себе обещание, что с завтрашнего дня начнёт серьёзно заниматься боксом.

– Эй, Хомяк, дай списать! – шептали ему одноклассники, когда он быстро и точно решал математические задачи.

– Ну, Хомяк, тебя только за смертью посылать, – презрительно говорил учитель физкультуры после кросса, выводя в журнале хлипкую тройку.

– В кино с Хомяком? Ну уж нет, ни за что! – сложив губы бантиком, тянула первая красавица класса Ира Бартыненко, «одаривая» коренастого Румянцева ледяным взглядом из-под пушистых чёрных ресниц.

Дорого бы дал Федя, чтобы пять проклятых букв Х, О, М, Я и К навсегда исчезли из алфавита. Ещё он бы не возразил, если б в один прекрасный день проснулся высоким, атлетично сложенным человеком с мужественным профилем, как у артиста Пореченкова. Вот если найти рукопись, а по ней – клад, то мир вокруг тотчас изменится, как по мановению волшебной палочки.

При мысли о кладе Федька вспомнил, что должен кашлять, и, захлебнувшись воздухом, скорбно вытолкнул лающие звуки, обозначающие, что состояние его здоровья сильно ухудшилось.

– Мам, Федька опять меня передразнивает, – вытащив из ушей наушники, закричала Юлька, – он всегда мешает мне музыку слушать.

Музыку! То, что Юлька называла музыкой, в словаре её брата не имело названия. От Юлькиной «музыки» ему хотелось зажать уши. Он предпочитал слушать глухую тишину, а не бессвязные ноты, перегоняющие друг друга в диком водовороте звуков и ритмов. Музыка должна быть напевной и плавной, как река.

Набрав в грудь воздуха, Федя тихонько выдохнул мелодию старинного марша, но под бдительным оком мамы вновь стал кашлять и кашлял теперь уже сильнее и дольше. Кашлялось с трудом, тем более что одним глазом Федька не забывал посматривать, хорошо ли мама его слышит, и когда наконец она озабоченно спросила: «Ты не заболел?», он, сдерживая ликование, ответил слабым голосом:

– Нет, просто грудь что-то давит и в горле першит, – а для верности диагноза добавил: – наверное, выхлопных газов надышался. У нас во дворе школы от машин тесно.

– Ну-ну, – покачала головой мать и больше ничего не сказала, но Фёдор знал: эксперимент по обработке родителей идёт по заданной траектории и верное начало положено. Ещё пару дней кашля – и можно будет забрасывать удочку насчёт летнего отдыха!

В это субботнее утро папа, как обычно, лежал на диване и читал книжку. Потрёпанный томик в жёлтой обложке чуть подрагивал в его пальцах, когда папа переворачивал страницу за страницей. Читал он быстро, чтение совмещал с завтраком: поднос с недоеденным бутербродом и пустой чашкой стоял у него посреди живота.

– Понимаешь, я историк и не должен терять квалификацию, – отвечал он маме на её замечания, что у всех её подруг мужья как мужья, деньги зарабатывают, а её муж, как тюлень, всё свободное время лежит.

То, что папа когда-то учился в институте на историческом факультете, было чистой правдой. Но с тех пор прошло почти двадцать лет. Ровно столько, сколько исполнилось Юльке.

Она родилась в тот год, когда на глазах телезрителей рушилась власть коммунистов, а по столице громыхали танки с солдатами на броне.

– Свобода! Свобода! – радостно гомонили студенты университета, хлопая друг друга руками по плечам. – Долой Коммунистическую партию!

Четверокурсник Олег Румянцев кричал вместе со всеми, но глубоко внутри его душу точил червячок беспокойства, потому что дома в отданной соседями детской коляске барахталась новорождённая дочка, которую надо было поить и кормить.

Помощи от старшего поколения молодым родителям ждать не приходилось: Татьянины родичи жили в Узбекистане и сами перебивались с лепёшки на айран, а у Олега был жив лишь отец, который учил перед свадьбой: «Сумел жениться – сумей содержать семью».

Волей-неволей Олегу Николаевичу Румянцеву пришлось заняться поисками работы, обречённо хватаясь за то, что подвернётся под руку. Несколько лет он торговал газетами в переходе метро, потом попробовал открыть свой магазинчик с секонд-хендом и, наконец, к

сорока годам устроился водителем погрузчика на мельничный комбинат, навсегда покончив с мечтой о диссертации по Французской революции и якобинской диктатуре.

– Вот что жизнь делает с людьми, – сказала с иронией Юлька, когда из старой книги выпала фотокарточка двух молодых улыбающихся людей. Высокий кареглазый юноша с тонкими губами и модной стрижкой ёжиком обнимал за плечи статную девушку, русоволосую, широколицую, румяную.

Они уверенно смотрели в объектив, словно загадывая, что впереди их ждёт именно та жизнь, какую они себе распланировали, и никаких бед с ними никогда не случится.

Перед отцом кашлять было бесполезно, хоть обкашляйся – он не заметит, и Фёдка решил, что надо бы ещё пробежаться к деду, живущему неподалёку, и попытаться убедить его в пользу деревенского отдыха, тем более что до начала каникул оставалась всего две недели.

Наскоро позавтракав и прихватив с собой рогалик с маком, Фёдка вышел на лестницу. Дверь соседней квартиры была приоткрыта, и оттуда доносился удушливый запах газа.

– Марь Семёновна, вы дома?

Ответа не последовало, и Фёдор опасно толкнул незапертую дверь, обитую коричневым дерматином, потрескавшимся от времени.

* * *

Соседка Марья Семёновна Головщикова въехала сюда в позапрошлом году вместо надоевших всему подъезду разухабистых братьев-близнецов, любивших по ночам слушать тяжёлый рок и прицельно метать из окон пустые бутылки, норовя попасть в раскрытую глотку помойного бака.

Сразу по приезде, обзвонив все пять квартир на лестничной площадке, Головщикова по всей форме представилась высыпавшим на звонок жильцам:

– Добрый вечер. Меня зовут Мария Семёновна, я бывшая учительница, а теперь пенсионерка. Милости прошу заходить ко мне по-соседски, без церемоний, а если смогу помочь, то всегда буду рада.

Феде с первого взгляда понравилась невысокая, энергичная в движениях старушка с седыми волосами, убранными в пучок, и с остренькими серыми глазками, доброжелательно глядевшими на соседей.

– Румянцевы, рады познакомиться, – немногословно произнёс отец в ответ на приветствие и, пожав плечами, закрыл дверь, чуть не стукнув зазевавшегося сына дверной ручкой по макушке.

Больше с Марьей Семёновной ни Фёдка, ни его семья не общались, если не считать слов «здравствуйте» и «до свидания» при встрече у лифта.

– Марь Семёновна!

Ответом Феде было слабое мяуканье кота и еле слышное шипение газа на кухне, от звука которого вспотели ладони.

«Если почувствуете запах газа, сразу звоните по телефону 04», – словно с небес зазвучал в голове Феде голос учителя по ОБЖ.

Разрываясь между желанием убежать позвонить по телефону газовой службы или всё-таки шагнуть в квартиру, Фёдка выбрал последнее. С газом шутки плохи, действовать надо быстро и решительно. Как минимум – закрыть кран, распахнуть окно и поискать соседку. Может, она уже отравилась и лежит мёртвая. От этой мысли стало ещё страшнее. Заткнутый двумя пальцами нос не давал вдохнуть, и Фёдор уже почти дошёл до кухни, как вдруг бросившийся под ноги белый клубок шерсти с мяуканьем полоснул когтями по щиколотке.

– Ой! – Рука дёрнулась вниз, пропуская в лёгкие резкий неприятный запах, вызывающий слёзы на глазах.

На закопчённой газовой плите боком лежала красная эмалированная кастрюлька в цветочек – главная виновница аварии, а под ней рассерженной змеей шипела открытая на полную мощность горелка.

Один поворот ручки на плите, скрип распахивающегося окна и глоток свежего воздуха.
– Марь Семёновна!

Не дождавшись ответа, Фёдор заглянул в комнату и убедился, что она пуста. Не обнаружилось хозяйки ни в ванной, ни в туалете.

Оттолкнув ногой кота-предателя, Фёдор вернулся в комнату и осмотрел каждый уголок гостиной, плотно заставленной старинной мебелью. Тяжёлый буфет тёмного дерева с вырезанным на дверцах рельефным узором из цветов почти загоразживал подход к пианино.

Ни у кого из своих знакомых Фёдка не встречал столь необычной обстановки, выглядывшей как декорация к историческому фильму. Фарфоровые слоники на крышке пианино цепочкой брели к хрустальной вазочке с засушенными цветами, а поскрипывающий под ногой паркет отсвечивал тонкой жёлтой плёнкой натурального воска.

«Как в Пушкинском музее», – подумал мальчик, вспомнив недавнюю экскурсию.

Но особенно его удивили иконы, висевшие в правом углу комнаты.

«Шесть штук», – быстро пересчитал их Фёдя, не отрывая глаз от центрального образа Спасителя, смотрящего прямо на него и словно проникающего взглядом до самой глубины души.

Забравшийся на пианино кот вдруг странно подпрыгнул, замахиваясь лапой, и Фёдка увидел, как самый большой фарфоровый слоник, повернувшись в воздухе, падает вниз. Отбившийся хобот червяком скользнул по паркету, залетев под диван.

«Это не я», – хотел было сказать Фёдка, но вспомнил, что хозяйки нет.

– Кхе-кхе, – автоматически произнёс он в пустоту комнаты, сам не зная зачем, и вдруг почувствовал, что кашляет по-настоящему и не может остановиться.

Зуд раздирал горло железными крючьями, из глаз ручьями лились слёзы, а живот судорожно дёргался, причиняя нешуточную боль, от которой кашлялось ещё больше.

– Фёдя? Что ты тут делаешь? Как ты сюда попал? – услышал он за спиной удивлённый голос Марьи Семёновны.

Сквозь удушшающий кашель Фёдя попытался объяснить, что зашёл в открытую квартиру, чтобы выключить газ, но вместо слов изо рта вылетали лающие звуки. Мягкими руками Марья Семёновна обхватила мальчика за плечи и увлекла к двери, успокаивающе приговаривая:

– Идём, дружок, я доведу тебя до квартиры.

Фёдор не сопротивлялся. Он даже не пытался возражать, когда Марья Семёновна объясняла растерявшейся маме:

– Ваш мальчик, видимо, болен и по ошибке или в бреду зашёл в мою квартиру, пока я ходила к соседке за луковицей для супа.

– Да, да, спасибо вам! Он ещё ночью начал кашлять. – Мама одной рукой щупала Фёдке лоб, а другой поддерживала его под локоть при каждом новом приступе.

Марья Семёновна сочувственно покачала головой и сказала:

– Вам бы вывезти ребёнка на свежий воздух, а то в этом году столько машин развелось под окнами: у любого может астма начаться.

– Вы думаете, что это – астма?

Судя по голосу, мама была близка к панике.

– Астма не астма, я не врач, дорогая Татьяна Ивановна, но как учитель твёрдо знаю одно: детям на каникулах в городе не место.

Тут бы Фёдке и вставить своё слово про Подболотье, но сил на разговор совсем не осталось, и, уже лёжа на диване, он прохрипел, глотая окончания слов и тяжело дыша:

– В нашем классе все ездят в деревню.

– Кабы знать, в какую деревню, – развела мама руками. – Сам понимаешь, у нас в деревне родственников нет.

Вплывшая в комнату Юлька, услышав разговор про деревню, застыла на полпути и недоумённо подняла брови:

– Делайте со мною что хотите, но я в деревню не поеду.

Может, от категоричных слов Юльки, может, от маминого поглаживания по голове кашель утих так же внезапно, как и начался.

– Что я там не видела, в деревне?! – снова с вызовом повторила Юлька, и Федя понял, что она сейчас заведётся на весь день. – Я студентка, у меня на носу сессия! Никуда не поеду!

– Не волнуйся, Юляша, о тебе речь не идёт! Сдавай свои экзамены. Конечно, это самое главное! А поехать с Федей в деревню мы попросим деда. – Задумавшись, мама сплела пальцы перед грудью: – Ума не приложу: у кого узнать, где можно снять дом в деревне? Чтобы было и место хорошее, и недорого.

– В Подболотье, мама! – закричал Федька так громко, словно его ударили кулаком по спине. – Все мои одноклассники ездят не на Кипр или Майорку, а в деревню Подболотье! Там сдаётся море домов и совсем за копейки.

– Подболотье? Никогда о таком не слышала. Но, впрочем, идея неплохая, – пробормотала мама в раздумье. – Надеюсь, там хорошие магазины и детская поликлиника недалеко.

* * *

«Выдумала мать – в деревню ехать!» – Юлька скрестила ноги под столом и грудью навалилась на столешницу. Она закрыла глаза, чтобы ничего не видеть. Прибавив громкость, она принялась ладошкой отбивать ритм, бодро плескавшийся в наушниках плеера.

«Когда слушаешь весёлую музыку, то жизнь кажется намного лучше, чем есть на самом деле. И кто только выдумал эту учёбу и, главное, зачем?» – думала она.

Сессия приближалась стремительно, заражая мысли тягучей тоской.

– Меньше знаешь – крепче спишь, – сказал Валентин Свербицкий из параллельной группы. И добавил: – Если бы не армия, меня бы в университет калачом не заманили. Пусть учатся дураки, которые не умеют делать деньги. Умный мужчина всегда сумеет развернуть свой бизнес. А вам, девчонкам, учёба и вовсе ни к чему. – При этом он одобрительно окинул взглядом Юлю, стоявшую в группе девушек, и сказал: – Женщина должна украшать общество, а не сидеть в конторе с утра до вечера. Подумайте, кому нужна задёрганная, измученная жена? Никому! А если у дамы вдруг обнаруживается талант руководителя и она становится топ-менеджером, то это вообще бррр... – Свербицкий зябко пожал плечами, демонстрируя собеседникам, чего стоят женщины-руководители.

Компания студенток слушала Валю раскрыв рот, и Юлька то и дело ловила направленные на него восхищённые взгляды сокурсниц, думая, как здорово иметь такого парня: остроумного, в модных джинсах, ладно облегающих стройные ноги, в кармане которых лежат ключи от новенькой «тойоты».

...Сквозь звуки музыки пробился кашель брата, и Юлька ещё сильнее заколотила ладонью по столу. Пусть кашляет сколько угодно... Как ей всё надоело!

Прибавив звук, она нагнула голову к рукам, чтоб не бил в глаза свет от окна, и принялась перечислять то, что ей надоело хуже горькой редьки.

Во-первых, надоел Федька. Она не выпрашивала у родителей братишку или сестрёнку.

Во-вторых, надоела квартира, где ей приходится ютиться на половине комнаты.

Надоела нравоучениями мама, всегда уставшая и одетая в тряпки из китайских магазинов.

Надоел равнодушный к жизни отец, всё свободное время читающий книжки.

Надоел дед, указывающий, как ей жить.

И наконец, надоела сама эта жизнь – никчёмная и ненужная.

Музыка в наушниках зазвучала медленнее, и Юлька, не поднимая головы, притянула к себе последний номер журнала «Космополитен», с обложки которого победоносно и белозубо улыбалась юная девушка в леопардовом пальто и бежевых туфлях на умопомрачительных шпильках. Вот она – настоящая жизнь, наполненная лёгким запахом духов и восхитительными морскими круизами на белоснежных лайнерах.

Это тебе не занюханная деревня Подболотье.

Вспомнив про деревню, Юлька снова фыркнула и крикнула в глубину квартиры:

– Мама, я пойду погуляю!

– Поздно не приходи, а то папа будет ругаться, – не высовываясь из кухни, отозвалась мать.

Обе знали, что угроза не имеет никакого значения: папа, зачитавшись, даже не заметит отсутствия дочери.

Сразу не попав ногой в брючину, Юлька запрыгала по комнате, больно ударившись локтем о стеллаж с книгами. С полки упала книга «Золотой ключик» и раскрылась на первой странице. На ней ровным маминым почерком было выведено: «Юленьке от мамы и папы». Эта короткая надпись царапнула лёгким воспоминанием о давнем дне рождения, на который вместо обещанных часов с плавающими стрелками она получила в подарок книжку. Но не прочитала до сих пор. Зачем читать, если каждый новогодний праздник по телевизору показывают «Приключения Буратино»?

Юлька тщательно причесалась, оценивая яркость голубых глаз и красоту бровей – предмет зависти подружки Кати.

Модная английская футболка нежно скользнула по спине, лаская тело тонким трикотажем.

– Твоя футболка стоит столько же, сколько моя осенняя куртка, – сказала мама, когда увидела выброшенную в помойное ведро бирку с ценой.

Тогда Юлька вяло произнесла:

– Хочу и покупаю. Я деньги заработала на презентации сыра в супермаркете.

То, что денег от случайного заработка хватило ровно на обновку, она маме не сказала. Пусть думает, что дочь становится независимой и успешной.

Проходя через комнату, Юля заметила очень бледного брата, лежавшего на папином месте. Его дыхание ещё не выровнялось после приступа, и Юльке стало жалко тихого и беспомощного Фёдку. Ещё ночью, слыша его ненатуральный кашель, она была уверена, что парень прикидывается и хочет прогулять школу, но, похоже, он действительно заболел.

Ещё не хватало! Перед её глазами снова замаячил призрак деревни. Хоть мать и обещала не ссылать её туда, но у них есть дед с правом решающего голоса, который если упрётся, то обязательно настоит на своём. Дед даёт почти половину денег на учёбу, а против такого аргумента не поспоришь.

На лестнице Юлька чихнула от забравшегося в ноздри лёгкого запаха газа и, не став ждать лифта, побежала вниз, с удовольствием слушая, как цокают по ступеням каблучки новых босоножек.

Пахнувшая в лицо волна тёплого воздуха немного улучшила настроение. В этот субботний день двор многоэтажного дома, всегда плотно заставленный автомобилями, был почти пуст.

«Ах да! Конец мая, дачники копают огороды», – вспомнила Юлька про увешанных гроздьями рассады дачников, заплонивших метро в преддверии выходных.

Под ногами пучилась вздыбленная за зиму корка асфальта, и приходилось всё время смотреть под ноги, чтобы не упасть. Девушка так сосредоточилась, что не заметила, как рядом

с ней притормозила серебристая машина, свежо отблескивающая на солнце тщательной полировкой.

– Привет!

Не сразу сообразив, что обращаются к ней, Юлька остановилась, с радостным удивлением встретившись взглядом с Вале́й Сверби́цким, привлекательным, как сериальный герой.

– Привет! Ты откуда?

– Случайно мимо ехал.

Валентин вынырнул из машины, став вровень с ней так, что Юлька едва не уткнулась лбом в его плечо.

Наверное, она не возражала бы против такой близости, если бы из другой дверцы не выпорхнула Лизка Вахрушева с юридического факультета. Ни волосы медного оттенка, ни тщательный макияж и фирменная одежда из бутиков не могли улучшить внешность Вахрушевой – мелкозубой, длиннолицей девицы с близко посаженными недобрыми глазками.

– Привет, Джулия!

Лизка любила коверкать имя Юлия на иностранный манер, зная, что это выводит из себя его обладательницу.

В другое время и в другом месте Юлька нашла бы для нахалки достойный ответ, но при Валентине выказывать себя скандалисткой ей не хотелось, и, через силу улыбнувшись, она выдала ответное приветствие.

– К сессии подготовилась, раз гуляешь? – ехидным голосом продолжала надоедать Лизка, прекрасно зная, что сессии Юлька сдаёт из рук вон плохо.

– Ага. Подготовилась.

Юлька с вызовом подняла голову, поведя глазами в сторону Валентина, отметив, что он почему-то покраснел и засуетился.

– Юля, Лиза, девочки, я знаю неподалёку уютную кафешку с живой музыкой. Поедем? Я угощаю.

Принять предложение Валентина хотелось нестерпимо. Что может быть приятнее, чем в тёплый день сидеть в кафе у окошка, потягивать через соломинку сладкий коктейль и слушать, как молодой человек говорит тебе комплименты?

Но рядом стояла Вахрушева, и Юлька, впечатав ногти в ладони и независимо дёрнув плечом, посмотрела на Валентина так, чтобы он понял причину её отказа:

– Спасибо, в другой раз. Веселитесь без меня.

* * *

Школьный порог Фёдор Румянцев переступил с чувством собственного превосходства, снисходительно посматривая на суетившихся перед уроком одноклассников.

Глупые, они даже не представляли, что, хлопая его по плечам или поддразнивая: «Привет, Хомяк, успел набить щёки?», встречаются не с простым мальчишкой, а с хранителем тайны. И, возможно, будущим кладоискателем.

«А я знаю про рукопись с крюками», – хотелось выкрикнуть прямо в лицо Серёге Лисину, который мнил себя крутым пацаном. Интересно взглянуть, как Серёга сначала сделает вид, что ему неинтересно, а потом начнёт потихоньку выпрашивать: «Хомяк, а Хомяк, расскажи: что за рукопись?» Увидев, как Серёга подмазывается и набивается в друзья, другие мальчишки тоже принялись бы уговаривать поделиться секретом.

Пусть сторают от любопытства. Он, Фёдка, останется непреклонен. В конце концов, только ему пришлось загадочное письмо. А всё на свете происходит не просто так.

Тайна, которой овладел Фёдка, распирала его, как пузырьки газа распирают бутылку тёплого кваса. Она пенилась мыслями, пузырилась мечтами и грозила вылиться наружу, если

бы в решительный момент, когда ухо лучшего друга и соседа по парте Даньки Малькова оказалось поблизости, русичка Ольга Юрьевна не вызвала бы Федю к доске.

Невысокая, полненькая Ольга Юрьевна, по прозвищу Колобок, предупреждающе постукала карандашом по столу, призывая класс к работе, и заявила:

– А запятые в прямой речи нам расставит Румянцев.

Обречённо вздохнув, Фёдор нехотя побрёл к доске, лихорадочно думая, где стоит поставить кавычки: перед вопросительным знаком или после него?

«Перед, перед» – показывал ему на пальцах сидящий на первой парте Миша Суворов.

– Хомяк, ставь после, – сложив руки лодочкой, подсказывал Женя Лукин.

До или после?

Покатав в пальцах мел, Федя нерешительно перечитал предложение, оттягивая время для ответа.

– Румянцев, я жду, – напомнила учительница.

Встав поблизости от доски, она сложила на груди пухлые руки и принялась перекатываться с носка на пятку. «Как колобок», – точно подметили ученики, когда Ольга Юрьевна впервые приняла классное руководство.

Федька не знал, где ставить знак вопроса, и, немного посопев от раздумий, вляпал кавычки наугад, вынеся их перед вопросительным знаком.

– Всё ясно. Правила ты, Румянцев, не повторял. Хоть ты и написал контрольную на четыре, я ещё подумаю над годовой оценкой. – Голос учительницы зазвенел укоризной, и Федя понял, что сегодняшней день испорчен.

Полными тоски глазами Фёдор обвёл класс, в три ряда заставленный голубыми партами и увешанный портретами литераторов.

Некрасов, выставив вперёд тощую бородёнку, глядел на него явно осуждающе, а задумчивый Пушкин, подперев руку ладонью, не обращал на происходящее в классе никакого внимания. У него, небось, над душой учительница не стояла.

Но угрозой снижения оценки Фёдоровы неприятности не закончились. На большой перемене, когда шестой класс бодро понёсся в столовую, Федю остановил резкий удар по спине:

– Не дави на газ, Хомяк! Разговор есть.

Самый противный в мире голос принадлежал семикласснику Ваньке Павлищеву по кличке Пава, держащему в страхе всю среднюю школу номер триста двадцать.

Высоченный вертлявый Ванька с мучнистой кожей и корявыми болячками в уголках рта славился в школе своим бешеным нравом и непредсказуемостью действий. В минуты гнева его взгляд замирал на одной точке, превращая желтоватые глаза в подобие стеклянных пуговиц и пугая своей бессмысленностью даже учителей, много повидавших на своём веку.

Федька собственными ушами слышал, как математичка однажды сказала Ольге Юрьевне:

– День, когда Павлищев закончит школу, администрация обязана отметить пышным банкетом с заказанными клоунами.

– С клоунами? – Ольга Юрьевна хмыкнула, сделав упор на последнем слове. – Клоунов у нас своих хоть отбавляй...

Пава на клоуна был не похож, хотя и растягивал губы в противной улыбке.

Чувствуя, как лоб покрывается бисеринками пота, Фёдор остановился и, стараясь не выказать страх, спросил как можно беспечнее:

– Чего надо?

Ванькина улыбка стала шире, и кучка подпевал за его спиной подобострастно захихикала, предвкушая очередное развлечение.

Павлищев снова хлопнул Фёдора по спине и почти с сочувствием сказал:

– Понимаешь, Хомяк, долг за тобой. Когда отдавать будешь?

Растопырив руки в стороны, Ванька загородил Феде дорогу, не давая пройти вдоль стены. Федыка успел заметить, как одноклассники, опасливо оглядываясь, спешат в столовую. Краем глаза он увидел и маячившего вдалеке Даньку Малькова и понял, что остался один.

– Какой долг?

– Обыкновенный, тысяча рублей. – Павлищев сделал шаг вперёд, возвышаясь на целую голову над Федыкой, и ссутулил костистые плечи, ожидая ответа.

– Я у тебя не занимал, – прошептал Фёдор.

– Занимал не занимал, какая разница! Всё равно должен! – Ванька подмигнул, приглашая друзей повеселиться вместе с ним.

Его дурашливый тон вызвал новый взрыв смеха группки парней за спиной.

– Не трясись, Хомяк, будем бить сильно, но аккуратно, – выкрикнул один из Ванькиных приближённых, Юрка Ляпунов.

Фраза из любимого фильма «Бриллиантовая рука» показалась мирной и домашней, хотя Федыка знал, что Пава шутить не любит.

Не зная, как лучше ответить, он усталился в пол и принялся разглядывать розоватую напольную плитку с белыми крошками, похожую на колбасу «Любительскую» в нарезке.

– Ты меня слышал, Хомяк?

Продолжая изучать напольную плитку, Федыка кивнул, но промолчал.

– В ступоре, – жизнерадостно провозгласил Ванька, ткнув пальцем в Федыку. – Учитесь, орлы.

Павина компания жизнерадостно загоготала, поддерживая своего атамана и шурша кроссовками по полу. Она единой массой двинулась дальше по коридору, оставив стоять столбом растерявшегося Федыку.

Тысяча рублей у него была. Пятьсот рублей подарил дед на Новый год, а ещё пятьсот он помаленьку подкопил из карманных денег, рассчитывая купить хорошую игровую приставку. Две новенькие бордовые купюры лежали между страницами детской книжки про муравья Ферду.

«Уж в эту книжку Юлька точно никогда не полезет», – рассудил Федыка, предусмотрительно закладывая в хранилище свой капитал. Приставку он задумал купить давно, когда увидел такую же у тихони Лены Зубовой с последней парты. Очень удобная вещь: сидишь себе спокойно на перемене, занимаешься делом, и никакая учительница тебе не скажет: «Что ты, Румянцев, мечешься по коридору? Лучше бы уроки повторил».

Самое обидное в этой ситуации то, что Федыка не понимал, за что к нему привязался Пава и о каком долге идёт речь. Правда, по школе бродили слухи, шёпотом передававшиеся из класса в класс, что Пава любит выбирать жертвы среди ребят и требовать себе дань. Говорят, что один восьмиклассник отдал Ваньке новенький фотик, а Кирилл Сонькин из седьмого «А» каждую неделю покупал Паве билеты в кино. Хотя от обиды и унижения из Федыкиных глаз готовы были брызнуть слёзы, он сдержался, помня о своей тайне. Мысль о ней поддерживала его.

– Федыка, что они тебе сказали? – Подлетевший Данька Мальков захлёбывался от возбуждения. Голос его звенел сочувствием.

– Ничего не сказали, – пробурчал Фёдор, мгновенно решив, что неделю до начала каникул будет прятаться от Павлищева, а потом, когда найдётся клад, наймёт себе охрану из старшеклассников или ещё что-нибудь придумает. Главное сейчас – дотянуть до каникул.

* * *

Фёдор с великим трудом доплёлся до поворота в тёмный проулок между домами и остановился. Пройти предстояло ещё шагов двадцать. Федыка затих, чувствуя, как от страха горят

щёки. А ну как в безлюдном месте подкараулят дружки Павлищева и с удовольствием переломают ему рёбра и свернут челюсть? Может, лучше не связываться и отдать Паве деньги? Неужели паршивая тысяча рублей дороже здоровья?

Федька перебросил с плеча на плечо рюкзак и задумался. Нет! Всё-таки речь шла не о здоровье, а о том, что если он сейчас безропотно подчинится, то так и будет до десятого класса плясать под чужую дудку. Сейчас Пава приказал принести тысячу, а завтра скажет: «Иди, воруй»... Он не мог решить, как ему поступить.

Хорошо тем, у кого есть старший брат! Фёдор с завистью вспомнил Рому Мезенцева и его старшего брата – сержанта десантных войск. Вся школа знает, что тот, кто хоть пальцем тронет Рому, будет немедленно стёрт в зубную пасту и закатан в тубик.

Стой не стой, а идти домой надо, и Фёдор, чувствуя, как противно дрожат жилки под коленками, шагнул в пустоту проулка. Никого. Вдоль высоких стен змейкой холодка дул ветерок, взметая вверх пару пустых полиэтиленовых пакетов и обрывки бумаги. Раздуваясь в воздухе, пакеты скачками парили над головой, напоминая весёлые воздушные шарики, подаренные ему давным-давно на выпускном утреннике в детском саду.

– Пусть каждый из вас загадает желание и выпустит шарик, – сказала мама Жени Богдановского, раздавая дошколятам яркие пузыри, просящиеся в полёт.

Что же он тогда загадал? Фёдор прибавил шаг, словно стремясь догнать то своё желание, исчезнувшее в голубом небе. Ах да! Он загадал робота-трансформера. Совсем был глупый. Сейчас он пожелал бы себе избавиться от Ваньки Павлищева. Хотя нет! Сейчас Фёдор загадал бы желание уехать в Подболотье, чтобы разыскать рукопись. Да хорошо бы поехать не когда-нибудь, после начала каникул, а прямо завтра. Тогда он убьёт сразу двух зайцев: до конца каникул не услышит о Паве и постарается разыскать рукопись с крюками.

Он так уверил себя, что рукопись находится именно в ближнем Подболотье, что других вариантов уже не предполагал. Или там, или нигде.

Позавчера, вволю накашлявшись после отравления газом, он для очистки совести переправил мейл по тому адресу, с которого пришло загадочное письмо. Написал всего одно слово: «Проверка» – и с удовлетворением прочитал выданное компьютером послание: «Адрес не существует или заблокирован». Теперь сообщение про рукопись принадлежало ему всецело и безраздельно.

Фёдор так увлёкся размышлениями, что не заметил, как проскочил опасное пространство и оказался вблизи своего подъезда.

Бережно положенная под вешалку кофта подсказала, что мать дома, и не одна. По тихому разговору из кухни, окрашенному звуками мужского голоса, Фёдор догадался, что пришёл дед, живший через два дома вниз по улице. В отличие от Юльки, побаивавшейся суровых дедовых суждений, Фёдор безоговорочно любил дедулю Колю, всегда относившегося к внуку с уважением, как к взрослому человеку.

Бабушку Лизу Фёдор знал лишь по фотографиям в альбоме. Она была полная, улыбкавая, с короткой мальчишеской стрижкой и крупными серьгами в ушах. Эти серьги с красными камешками лежали у мамы в шкатулке, и она надевала их только в день рождения деда, чтобы сделать ему приятное.

– Такой ширпотреб давно уже не носят, – сказала про серьги Юлька, но к своим ушам их приложила и даже покрутила головой перед зеркалом, любуясь густым рубиновым цветом камня, похожего на капельки вишнёвого джема.

Бабушка умерла, когда внуки ещё не родились, и дед не любил говорить на эту тему, сразу темнея лицом так, что Федька пугался.

Скинув кроссовки, Фёдор устремился на кухню, но серьёзный тон разговора заставил его задержаться и прислушаться.

– Николай Петрович, миленький, вы поймите, – говорила мама просящим голосом, – мы с Олегом оба работаем, у нас на руках Юля, которую нельзя оставить без присмотра. Вся надежда только на вас.

Поняв, что решается вопрос о поездке, Фёдор затаил дыхание и на цыпочках прокрался поближе, боясь лишним движением оборвать нить беседы. Затянувшаяся пауза показалась бесконечно длинной, но прозвучавший ответ деда заставил подпрыгнуть от радости.

– Хорошо, Таня, я согласен. Но, знаешь, полагаю, что нам следует ехать, не дожидаясь начала каникул, иначе снять приличный дом уже не удастся. Контрольные в школе давно прошли, предварительные оценки выставлены и ничего страшного не случится, если Фёдор прогуляет последние дни.

Сдерживаться дольше не было сил, и Фёдка, одним прыжком преодолев коридорчик, ворвался в кухню:

– Деда! Деда! Я всё слышал! Ура!

Сидящий на табурете дед повернул голову, и Фёдор в который раз подумал, что дед выглядит совсем молодо, даром что недавно семьдесят три стукнуло. Лицо гладкое, ровное, без единой морщинки. Круглая лысина, окружённая редкими седыми волосами, придавала деду сходство со старичком-лесовичком из детской сказки. Фёдка хорошо помнил эту картинку, изображавшую маленького крепенького дедушку с длинным посохом, на котором пристроился воробышек.

– А вот и Фёдор! – Дед хлопнул себя ладонями по коленкам и весело посмотрел внуку в глаза: – Признавайтесь, молодой человек, почему вас так тянет в местечко с чудным названием Подболотье? Мне тут мама рассказывала, что твои одноклассники ездят туда отдыхать, но что-то верится с трудом. Может, подружка виновата?

Дед лукаво подмигнул, намекая, что внуку давно пора завести симпатию. От такого предположения Фёдкины брови поползли вверх, и он сказал:

– Ещё чего выдумашь! Это у Юльки одни глупости на уме.

– Ну-ну...

Шум чайника заглушил ироничное дедово «ну-ну», и Фёдка подумал, что вопрос с поездкой решён окончательно, как вдруг мама предложила:

– Знаете, приятельница посоветовала нам снять домик в посёлке Котово, недалеко от Боровичей. Место живописное, чистая речка, сосновый бор.

– А что? – Дед, не сходя с места, взял с кухонного стола чайник и налил себе кипятку. – По-моему, неплохая идея. Ехать по рекомендации куда приятнее и надёжнее, чем надеяться на авось.

От этих слов Фёдке показалось, что кипяток дед вылил не в чашку с розочкой, а ему на голову. Он с мольбой поднял глаза и разлепил губы, едва сумев выдохнуть:

– Де-е-ед!

* * *

– Вам туда. Километров десять прошагаете, и будет ваше Подболотье, – сказала толстая стрелочница в ярко-жёлтой куртке. Накрученный на голову зелёный платок с торчащими вверх концами делал её похожей на луковицу с грядки.

– Десять километров? – вежливо переспросил женщину дед Коля.

– Километров, – весомо поправила она деда, затыкая за голенище резинового сапога свёрнутый в трубочку жёлтый флажок, которым только что сигналила поезду, и поинтересовалась: – Дачники?

– Дачники. – Дед покаянно опустил голову, кивком указав на два объёмистых рюкзака – свой и внука.

– Вижу, что дачники. – Стрелочница обтёрла рот двумя пальцами, оценивающе осмотрев приезжих.

Коротко стриженный парнишка с каштановыми волосами, примерно одногодок её внуку Серёжке, восторженно крутил головой из стороны в сторону, осматривая убогую станцию. Дед, напротив, интереса не проявлял. На его лице читалось явное разочарование, и это задевало стрелочницу.

«Ежели у нас не нравится, так чего приехали?» – подумала она, но вслух вежливо посочувствовала:

– Что ж вы в такое дальнее село наладились, или родня там у вас?

– Никого нет. Приехали наудачу, а теперь вот оказывается, что и до места неизвестно как добираться придётся. Одни, по лесу, по незнакомым местам. – Дачник потерянно развёл руками в стороны, и стрелочница заметила, какие у него молодые глаза. Серые, как речная вода в половодье. Точно такие глаза были у её мужа, когда он ещё женихом бегал за ней на станцию, чтобы вместе встречать поезда.

Отмахиваясь от воспоминаний, бередящих душу, женщина поднесла ладонь ко лбу, сдвинув платок на затылок и приоткрывая лоб, пересечённый двумя морщинками:

– Не знаю, чем вам помочь... – Она задумалась, словно определяя, можно ли им доверять. Видимо, решившись, сказала: – Вы пойдите прямо через мостик на ту сторону реки. Увидите фургон, автолавка по-нашему. Спросите Генку Голубева – шофёра. Он нынче в Подболотье ладился, авось и вас подбросит.

– Спасибо вам.

Тяжёлые рюкзаки легли на плечи дачников, принизив к земле мальчишку с любопытной мордахой.

– Помогай Господи.

Стрелочница вздохнула и долго смотрела вслед приезжим, чувствуя, как в её душе растекается умиротворение. Лето, отпуска, через пару недель их станция наполнится жизнью и детскими голосами. Приедет из города и её внук. Уж скорей бы.

Душный воздух плавился, пыль забивалась в нос, а стальные рельсы, перерезая шпалы, выдавливали из них запах мазута и щебня.

От волнения, что он скоро увидит Подболотье, у Фёдора пересыхало во рту. В общем вагоне было так душно и жарко, что семь часов езды показались вечностью. Поезд несколько раз подолгу останавливался на перегонах, и тогда проводница с хмурым лицом объявляла пассажирам:

– Ремонт путей, потерпите.

Чего только Федька не делал, чтобы прогнать дорожную скуку: и спал, и пытался читать книжку, и решал кроссворд. Но из его занятий ничего путного не выходило. Унылую поездку немного скрашивало предчувствие тайны Подболотья и симпатичная девчонка лет четырнадцати, сидевшая через два купе от них. Голубые джинсики, по-модному порванные на коленях, ловко облегали стройные ноги, а красная футболка красиво подчёркивала яркость светлых волос, распущенных по плечам.

Делая вид, что в упор не замечает попутчицу, Федька то и дело смотрел в её сторону нарочито безразличным, долгим взглядом, словно высматривая что-то в глубине вагона.

– Симпатичная, правда? – прошептал ему на ухо дед.

– Кто? Та тётенька в зелёном платье? – прикинулся дурачком Федька.

Девчонка вышла за две станции до их Глубокого, и Федька почти сразу забыл про неё, распластавшись у окна. Подъезжаем! Где-то здесь его ждут приключения!

* * *

Так сложилось, что за всю свою тринадцатилетнюю жизнь Фёдор Румянцев был в настоящей деревне всего один раз в возрасте трёх лет, и то благодаря маминной подруге тёте Ларисе. Именно она убедила маму поехать с детьми погостить к ней в деревню. Те несколько дней мама всю последующую жизнь вспоминает с ужасом.

– Вы не представляете, – подчас рассказывала она знакомым, – комарья полно, из дому носа не высунуть. Пока до туалета добежишь, все ноги изожрут. За водой надо на речку ходить.

С коромыслом! – На этом месте мама делала паузу, приглашая ужаснуться вместе с ней. – Носить воду на коромысле невообразимо трудно. На плечи давит, съезжает набок, а вёдра с водой раскачиваются, как качели. Я облилась с головы до ног. А вода, надо сказать, холодная. Потом я, конечно, сообразила ходить на реку с пластиковыми бутылками, но это тоже не великое удовольствие. Газ надо экономить, по телевизору одна программа. В общем, врагу не пожелаю!

Само собой, те несколько дней Фёдка совершенно не запомнил, и теперь настоящая сельская местность, окружавшая их с дедом, казалась ему срисованной с картинки. Он шёл за дедом по направлению к мостику, указанному стрелочницей, и думал, что в городе он совершенно не замечал неба, вроде как его и не существовало. Так, невзрачная серовато-голубоватая марь за окном десятого этажа.

Тут небо было огромным, ярким, синим и таким глубоким, что Фёдке захотелось сложить руки лодочкой и с размаху нырнуть в его глубину, с замиранием сердца ощутив, как по бокам скользит мягкая пена облаков, а плечи обливает солнечный жар.

Станция Глубокое осталась позади, открыв на горизонте кромку леса, около которого виднелся жёлтенький кузов Генкиного фургона.

Высоченный столбовой лес так плотно сомкнул ели, что казался единым тёмным массивом, среди которого редкими мазками проблёскивали белые стволы берёз и низкие кусты ракитника, словно в испуге клонившегося поближе к земле.

День близился к полудню, и жара начинала подсушивать прибитую росой пыль на дороге, налипающую на кроссовки. Смахивая бисеринки пота со лба, дед, шумно отфыркиваясь, шёл впереди, совсем согнувшись под тяжестью рюкзака. Мешок Фёдора был немного легче, он сам напихал туда самое необходимое: плеер, пару наушников, карту России, на случай, если придётся блуждать по лесу, – переговорное устройство, собранное из конструктора, и пару фонариков для непредвиденных обстоятельств. Остальное пространство рюкзака мать забила всякой всячиной, включая майки, трусы, носки и тёплую осеннюю куртку.

– Вдруг будет холодно, – объяснила она сыну, когда он сверлил глазами похожий на арбуз зелёный рюкзак.

«Жаль, что у деда Коли нет автомобиля», – сокрушался Фёдка, думая о том, что до Генкиной машины надо тащиться с километр, а там ещё неизвестно, подбросят ли их до Подболотья или нет.

– Добрый день! Вы Геннадий Голубев?

Дед тяжело скинул мешок с плеч и вопросительно посмотрел на щупленького, дочерна загоревшего молодого человека, который старательно связывал между собой рассыпавшиеся коробки с печеньем.

Не отрываясь от работы, Геннадий коротко кивнул. Был он невысокий и некрасивый, с острым носом и торчащими в стороны ушами, которые делали его похожим на летучую мышь.

Поскольку Голубев интереса к их персонам не выказал, дед снова сделал попытку наладить контакты:

– Гена, нас к вам направила стрелочница со станции.

Ещё один быстрый взгляд в сторону деда дал понять, что Геннадий ждёт продолжения. Николай Петрович приободрился:

– Нам надо попасть в Подболотье. Говорят, что вы можете нас подвезти. Мы заплатим, не сомневайтесь.

– В Подболотье, говорите?

Под пальцами шофёра треснула одна из коробок, и по траве, прыгая, брызнули жёлтые кругляшки печенюшек с волнистым узором. Одна печенинка упала и разломилась. Фёдор машинально поднял её и положил на ладонь, не зная, куда девать. Отдать хозяину разломанную – неудобно, выбросить – жалко.

– А ты съешь, – иронично сказал Генка, словно испытывая Федыку «на слабо»: съест или побрезгует.

– Спасибо.

Ни секунды не размышляя, Федыка положил в рот влажноватое печенье, почувствовав, как на зубах хрустнул песок. Но не выплюнул, а проглотил. Подумаешь – упало на землю! Проворно встав на коленки, он принялся собирать печенье с упругой травы, горстями подавая Генке, который молча складывал его в полиэтиленовый мешок.

– Помочь? – Федыка кивнул на коробки.

– Сам справлюсь.

Голос шофёра по-прежнему был сух, но из него исчезли настороженные нотки, да и на деда он посматривал вполне доброжелательно. Загрузив товар, Генка выпрямился и вытер руки о замусоленные джинсы, вздувавшиеся на коленях пустыми пузырями, и небрежно поинтересовался:

– Вы в Подболотье к затворнице?

Не сговариваясь, Федыка с дедом спросили:

– К какой затворнице?

– К той, у которой дом за забором, – уточнил Генка и пояснил: – Я сразу понял, что вы к ней. Обычные дачники в нашу глушь не заглядывают. Опасно слишком.

«Опасно!» У Федыки сладко защекотало в носу в предвкушении приключений, и он в восторге прошептал:

– Здорово!

Поймав осуждающий взгляд деда, Федыка съёжился, старательно пряча свой восторг в раздутую губу.

– Вы не угадали, мы не к затворнице, – сказал дед. – Мы вольные дачники, и в Подболотье хотим снять комнату на лето. Вы не слышали, кто-то там сдаёт?

Долгий, слишком долгий ответный взгляд Голубева, видимо, подсказал деду, что в этом Подболотье, что-то не так. Благодушное выражение на дедовом лице сменилось суровым. Оно не сулило ничего хорошего, и Федыка уже приготовился ныть и канючить, мучительно подбирая самые убедительные аргументы.

Но Генка Голубев, словно прочитав несложные Федыкины мысли, уверенно вскочил на подножку грузовика и широким жестом указал на сиденье:

– Садитесь, так и быть, подброшу. Только имейте в виду, зубы крепко не стискивайте и не разговаривайте, не то языки пооткусываете: дорога в Подболотье – яма на яме. Один я могу проехать. А остановитесь у бабы Лены – малярихи. Не прогадаете.

* * *

Когда, натужно гудя, машина взяла очередное препятствие, Федыка понял, что ещё одна яма – и его голова оторвётся от туловища, весело запрыгав по кочкам, мелькавшим за стеклом.

Спину ломило, в глазах плясали мушки, а язык, как и предупреждал шофёр, больно саднил, поцарапанный передним зубом со щербинкой.

Рядом с ним, спиной вжавшись в сиденье, мужественно побряхтывал дед, зеленея лицом на каждом спуске с горки.

Поняв, что деда Колю не на шутку укачало, Федька забеспокоился:

– Скоро приедем?

– Скоро, – жизнерадостно пообещал Генка Голубев, заложив очередной вираж, от которого машина чуть не завалилась набок. – Полпути проехали.

Дорога проходила по вырубленной в густом лесу просеке, неожиданно ныряя то вверх, то вниз и заставляя пассажиров резко подпрыгивать. Порой лес смыкался и ветви елей били по кабине машины, словно заколдованные злым волшебником сказочные чудовища. В лесу было так сумрачно, что приходилось напрягать зрение, чтобы рассмотреть дорожное полотно, похожее на гигантскую стиральную доску.

– Никогда прежде не видел такой дороги, – простонал дед, – даже когда служил в армии.

– А это не дорога, – сказал Голубев, снизив скорость на очередной выбоине, – это лежнёвка. – Догадавшись, что попутчики не понимают, пояснил: – Когда-то была дорога, вымощенная лесом, который вырубали. Чуете, как мы по полусгнившим стволам едем?

– Чуем, – лязгнув зубами, подтвердил Федька.

– Говорят, что эту дорогу ещё Чингисхан для своего войска прорубил, когда на Великий Новгород шёл. Да только зря старался. Сгнули татары в здешнем болоте. Все до единого человека. Вместе с конями и оружием.

То ли в кузове машины что-то звякнуло, то ли под колёса попал лист железа, но только на этих словах Голубева Федьке послышался отдалённый скрежет металла и еле различимое ржание коней, уходивших в зыбкую болотистую почву. Ахнув, он схватил деда за руку, не в силах сдерживаться:

– Деда, ты слышишь звон?

– Слышу, Фёдор, слышу, – приглушённо отозвался голос деда. – Это звенит моя голова. Фёдор готовился к худшему. Но вдруг машина поехала ровнее.

– Вот оно, болото, – указал Геннадий, одной рукой придерживая руль, а другую высунув в распахнутое окно. – Запомните, дачники: с той тропы, по которой мы едем, в сторону – ни ногой. Иначе вас никогда не найдут. – Он хохотнул: – Или найдут археологи через тысячелетие. Говорят, в торфе ничего не гниёт. Будете стоять столбом рядом с конницей Чингисхана, целые и невредимые.

От шутки Голубева веяло жутью, и Федька с благоговейным ужасом посмотрел на огромное бурое поле с тонкими хлыстовинами мёртвых деревьев без верхушек.

Но дед Коля, почувствовав себя на равнине гораздо бодрее, убеждённо подтвердил слова Геннадия:

– Верно, Гена, вы заметили. Торф действительно способен консервировать органику, то есть живую материю. Когда я работал на Урале, около нашего завода археологи нашли целую охотничью стоянку с тысячелетней историей. Так что вполне вероятно, что и на вашем болоте археологам есть где приложить усилия.

Представив «законсервированную» конницу, Федька размечтался: наверняка рукопись с крюками указывает на место сокровищ Чингисхана!

Ну и ну, в какое место занесла их с дедом судьба!

Что если набраться храбрости и немного покопать, не сходя с дороги? Хотя бы настолько, насколько тянется рука? Вот было бы здорово откопать какой-нибудь колчан со стрелами или настоящее копьё! А уж когда посчастливится разыскать клад...

– Не моги и думать, – оборвал его расчёты дед, прихлопнув ладонью по коленке, – знаю, что ты замышляешь.

В один миг спустившись с сияющих вершин мечты в жестокую действительность, Федька собрался возразить, что дед ошибается, но не успел. Впереди показался высокий забор с колючей проволокой по верху, за которым возвышалась крыша дома, увенчанная спутниковой тарелкой. Забор был металлический, выкрашенный ярко-красной краской, а тарелка оказалась такой большой, что Федька стал прикидывать, сколько человек туда поместится, если использовать её как санки зимой.

Несмотря на весёленькую окраску, колючая проволока придавала сооружению мрачный вид неприступной крепости, а глухо задранные ворота с глазком указывали на то, что хозяин гостей не жалуется.

– Это дом местной затворницы, – сказал Генка, – есть тут одна такая. Видно, от кого-то скрывается.

Он не договорил, предлагая по его тону самим догадаться, какой человек тут живёт, прячась от людских глаз. Не останавливаясь, машина пролетела мимо особняка, и рука Голубева уверенно нажала на кнопку сигнала, издавшего гудящий звук, покрывший шум гравия под колёсами.

– Приехали, Подболотье.

– Вот это да! – невольно закричал Федька, когда машина, словно споткнувшись, остановилась около покосившегося дома без крыши.

Вдали, сколько позволял видеть глаз, стояли такие же полуразвалившиеся избы с рухнувшими заборами, дырявыми крышами и проломленными стенами. Одни избышки выглядели почти пригодными к проживанию, только кровлю бы подлатать, а другие превратились в прах так давно, что успели прорасти ивняком и крапивой в человеческий рост.

Завозившийся на сиденье дед крякнул, но сдержался, негромко заметив:

– Говоришь, все твои одноклассники тут лето проводят? Ну-ну.

Старухи появились внезапно. Словно вынырнули из-под земли. Одна, другая, третья...

Возглавляла бег сухая старушонка в лёгком халатике с розовыми зайцами, явно купленном в «Детском мире». Приветственно размахивая над головой полиэтиленовым мешком, она успевала выкрикивать:

– Я первая в очереди! Не обгоняй меня, Валентина, я первая машину увидела.

– Сахарный песок привёз, Геннадьюшко, как я заказывала? – басом гудела толстая бабуля с костылём, продираясь через кусты бузины, усеянные мелкими белыми цветочками.

– Генка, Генка приехал! – неслись со всех сторон голоса, наполняя деревню жизнью и звуками.

Облегчённо вздохнув, Федька уловил на лице деда подобие улыбки и понял, что гроза миновала и экстренное возвращение откладывается.

В первый момент показалось, что старух очень много, но, приглядевшись, Фёдор насчитал всего шестерых: крошечную бабулю в розовом халате, дородную Валентину с конским хвостиком, перетянутым резиночкой, бочкообразную старуху с костылём, двух похожих друг на дружку бабушек в домашних тапочках и угрюмую старуху, державшуюся немного в стороне от машины.

Не в силах дожидаться, пока Генка распахнёт дверцы автолавки, бабушки столпились у кузова, весело отпихивая друг друга и беззлобно переругиваясь, словно члены одной семьи у сковородки с горячими блинами.

– Кто первый в очереди? – звонко выкрикнул продавец, и вокруг воцарилась благоговейная тишина. Во время суматохи на приезжих никто не обратил внимания. Старушки торопились отовариться, а Генке Голубеву было некогда поднять голову от подсчётов. Наконец, отпустив товар последней бабуле, Голубев поманил рукой всё ещё сидевших в кабине деда с Федькой и представил собравшимся:

– Дачники к вам.

– Бабоньки, никак к нам женихи! – взвизгнула от восторга старуха с костылём, с недюжинной силой забросив его в ближайший куст.

– Точно, гражданин, да какой симпатичный! – согласились старушки в тапочках, умильно заморгав побагровевшему от смущения деду.

– Но-но, – пригрозил веселухам Генка, ухмыляясь во весь рот, – запугаете дачников – обратно уедут. – Он нашёл глазами бабулю в розовом и спросил: – Баба Лена, возьмёшь постояльцев?

– А что? Я старушонка озорная, – притопнула ногой баба Лена и скомандовала: – Берите вещи и айда за мной.

* * *

В деревне пахло цветущей сиренью. Нескошенная трава вдоль дорог порой доставала Федыке до макушки. Как только вдаль затих урчащий шум Генкиной машины, деревней завладели птичьи перезвоны и стрекотание кузнечиков.

Хоть и кружило Федыкину голову неизведанное приключение, но усталость наваливалась, передавливая плечи лямками рюкзака и стекая за воротник струйками липкого пота. О привале и отдыхе он думал с блаженством, ему очень хотелось пить. Лучше всего холодную фанту или спрайт. Но сойдёт и вода.

Звучно хлопая по пяткам, оранжевые шлёпанцы бабы Лены торили путь по зарослям подорожника между заколоченных домов. От быстрой ходьбы розовые зайцы на халатике шевелились, словно в детском мультике, издавдала казалось, что они грызут синие морковки, накрепко зажатые в лапах.

Пару раз старушка останавливалась, проверяя, идут ли за ней постояльцы, и перекладывала из руки в руку полиэтиленовые пакеты, раздувшиеся от продуктов. От нелёгкого груза на руках бабы Лены верёвками набухли тёмные жилы, и Федыка подумал, что если бы он не волочил объёмистый рюкзак, то обязательно помог бы. Наверное, со стороны это выглядело совсем неприлично: маленькая старушонка тащит пакеты, а два крепких мужчины идут сзади... Поэтому он облегчённо вздохнул, услышав, как дед вежливо предложил:

– Хозяюшка, позвольте вам помочь.

– Да мы уже пришли!

Баба Лена резко свернула и замерла, ожидая реакции гостей.

– Ну и ну! – ахнул Федыка, стукнувшись о дедову спину.

– Красота! – сдавленно изрёк дед, посмотрев на покрасневшую от смущения бабу Лену.

За калиткой, висящей на одной петле, перед ними открылся дом. Снизу до крыши он был расписан розовыми зайцами и синими морковками. В точности как на халате. Но если на халате заячьи мордочки удавалось разглядеть с трудом, то на зелёной стене дома огромные зайцы представляли во всех подробностях, сверкая белыми зубами и кося узкими глазами с загнутыми ресницами.

– Ресницы я для красоты пририсовала, – похвасталась хозяйка и бесхитростно поинтересовалась: – Нравится?

– Великолепно, – с преувеличенным восторгом воскликнул дед, и Федыка понял, что дед – любитель фламандской живописи шестнадцатого века – в шоке от увиденного.

– Милости прошу. – Баба Лена посторонилась, пропуская постояльцев вперёд.

Предвкушая, как скинет ненавистный рюкзак на пол, Федыка шустро проскочил на крыльцо, успев заметить укоризненный взгляд деда.

Тот церемонно остановился напротив хозяйки и, взяв у неё из рук пакеты, представился:

– Николай Петрович Румянцев. Дед вот этого мальчика Феди, – кивком подбородка он указал на внука, успевшего сбросить на ступеньки и рюкзак, и кроссовки.

– Баба Лена, – представилась старушка, – то есть Елена Ивановна. – И, видимо, чтобы объяснить свою любовь к рисованию, уточнила: – Малярша я. Бывшая. На Киришском домо-строительном комбинате работала.

Острым кулачком баба Лена толкнула незапертую дверь. Из сеней пахнуло приятным холодком.

– Проходите.

Поймав Фёдкин взгляд на ведёрке с водой, баба Лена споро сунула ему в руки кружку, пальцем указав на ведро:

– Лей – не жалей.

Прозрачная вода нежно окатила горло студёной свежестью. Её хотелось пить без конца. С таким блаженством не сравнится ни спрайт, ни фанта, ни даже пепси-кола с её приторно-коричневой сладостью.

Хотя в избе было сумрачно, можно было разглядеть, что сразу за порогом находилась русская печь с лежанкой, обложенная белой кафельной плиткой. Справа – небольшая столовая: фикус, круглый стол, покрытый клеёнкой в клеточку, и самодельный узкий диванчик.

Дверь в гостиную прикрывали занавески, между которыми проглядывались трюмо, раскладной диван, стол и широкий трёхстворчатый шкаф. Федин взгляд остановился на почерневшей иконе Спасителя. Точно такую же он видел в домике Петра Первого, когда с классом был на экскурсии. Другая стена была густо увешана репродукциями из детских журналов, с которых на Фёдку тарасились многочисленные Золушки, гномики и олениа.

– Спать будете здесь. – Баба Лена распахнула фанерную дверь в квадратную спальню с двумя узкими койками и тумбочкой посередине.

– А вы? – не удержался от вопроса Фёдор.

– А я люблю спать там. – И хозяйка показала на уютную веранду, пристроенную к столовой. Обращаясь к деду, она подвела итог смотринам: – О цене сговоримся.

Не вникая в смысл дальнейшего разговора деда с бабой Леной, Фёдка цепким взглядом ощупывал каждый миллиметр дома, искал крюки на стенах, словно надеясь с ходу натолкнуться на следы таинственной рукописи.

На глаза не попался ни один, даже самый маленький, крючок, не говоря уже о рукописях, и Фёдка принялся размышлять, каким образом вычислить, у кого из деревенских старух хранится заветное сокровище.

* * *

«Мальчишкам нужны приключения, неожиданности и сельская жизнь. Только тогда они вырастают настоящими мужчинами», – думал Николай Петрович Румянцев, слушая равномерное посапывание спящего внука.

Как только Фёдка, отводя глаза и краснея, стал заверять, что на свете не бывает более комфортабельного отдыха, чем в замечательной деревне Подболотье, дед сразу догадался, что мальчишка хитрит и рвётся на природу совсем не ради рыбалки и прогулок по лесу...

В приоткрытое окно один за другим влетали комары, надсадно звеня над ухом и отвлекая от мыслей. Хлопая наугад в направлении звука, Николай Иванович больно заехал себе по носу, но комариный писк не утих.

Рассудив, что уснуть не удастся, Николай Петрович спустил ноги с кровати, стараясь не скрипеть половицами, вышел на крыльцо и обомлел от огромного, казалось – в полнеба, медового диска луны, висящего над лесом.

Нет! Не напрасно он привёз сюда Фёдку. Пусть парень посмотрит, какова она, настоящая Россия, без прикрас и удобств! Чистая, словно потаённый родник. Может, тогда он будет

ценить истинное, родное, а не навязанное рекламой по телевизору. Да здесь и телевизора-то нет. И это благо. Мобильник и то брал с трудом, постоянно срывая звонок в глухое молчание.

Подболотье так легло Николаю Ивановичу на душу, что он позвонил сыну и с искренним восторгом рассказал ему, как чудно они с Федькой устроились и в какое живописное место попали.

– А ванна там есть? – взяв трубку, поинтересовалась невестка.

– Конечно, есть! – не кривя душой, заверил её Николай Иванович, помешав палкой в ржавой эмалированной ванне, в которую хозяйка собирала воду для полива.

Ночной ветерок неприятно задувал в лысину. Поискав глазами вокруг себя и не найдя никакой тряпки, Николай Петрович стянул майку и прикрыл голову, тотчас почувствовав, как на голую спину на село несносное комарье. Пусть. Если перетерпеть первые укусы и не чесать, то комары перестают кусаться. Эту тайну открыл ему в армии друг-сибиряк. Здесь, конечно, не Сибирь, но лес глухой, а деревня уж и совсем пропащая. Всего жителей – шесть старух да таинственная дама за высоким забором.

– Сперва, по осени, нагнали рабочих, и они за пару месяцев дом отгрохали, – полушёпотом, словно боясь огласки, сообщила за вечерним чаем баба Лена, – а потом она и сама приехала. Кто – не знаем. Чёрная шляпа, что мой чугунок, брюки, пальто, лицо платком замотано. За забор шмыг и ни гу-гу. Раз в неделю оттуда парень на машине за продуктами в город ездит, а по весне гости наведывались. На трёх чёрных машинах, видать, дорогуших. Да только побыли недолго. Через пару часов уехали обратно.

Других обитателей Подболотья Елена Ивановна охарактеризовала одним словом – «возвращенки».

– Это как? – не сразу понял Николай Иванович странное определение.

– А так. По молодости уехали в город счастья искать. Помыкали горе, состарились да и возвратились в родимый край. Только уезжали павами, а возвратились щипаными курами, не годными даже в суп. Вот видел у автолавки Валентину, здоровую такую? – Переждав утвердительный кивок, хозяйка продолжила: – Так вот. Валентина эта вышла замуж за местного парня, деревня-то наша тогда огромная была, молодёжи полно. Жить молодые здесь не захотели и вскоре после свадьбы подались в Новгород. Там Валькин муж сразу в гору пошёл. И пяти лет не прошло, как заделался главным инженером автобазы. А это знаешь какая должность была! Денежная да почётная. – Елена Ивановна подняла вверх большой палец. И продолжила: – Валентина в те годы как сыр в масле каталась: хрусталия накупила, сервисов. Веришь, каждую неделю к личному парикмахеру ходила, укладки делала. От нас, односельчан, морду за три квартала воротила, даже не здоровалась. Сынок у них с мужем родился, Славка. Крепкий такой мальчишечка, горластый. Это ещё Вальке гонору прибавило: мол, все вы – дураки, неудачники, а мы, Алексеевы, держим жизнь за хвост и не выпустим. Да только Боженька гордыньку быстро смиряет. Сперва Валька на работе проворовалась, мужу с трудом удалось скандал замять. Потом сын в школе одни двойки носить стал, а потом случилось и вовсе страшное – муж в аварию попал и так ноги переломал, что пришлось оформлять инвалидность. Вальке нет чтоб задуматься о жизни, покаяться. А она озлобилась, роптать начала. Вообще как мегера стала. Кому могла вредить от зависти – всем гадости делала. Так бы и жила в лютой ненависти, да муж умер, а буквально через месяц сын Славка привёл невестку и мать из квартиры выставил. Тут словно глаза у Валентины открылись. Недельку она у меня на руках ревмя ревела, а потом сюда, в родительский дом, наладилась. Первая была, кто вернулся. Сама дом ремонтировала, сама полы стелила и крышу латала. А затем и другим бабам принялась помогать, тем, кого сюда судьба привела. И мне она сарай колотила. Даром что женщина, а хваткая, умелая. У нас, деревенских, руки всякое ремесло помнят, что предками заложено.

В подтверждение своих слов старушка растопырила над столом заскорузлые пальцы с потрескавшейся на сгибах кожей, и Николаю Петровичу на миг стало стыдно за свои гладкие белые руки.

О своей жизни баба Лена поведала скупо:

– Сапожник без сапог. Всю жизнь людям дома строила, квартиры отделявала, а на старости лет осталась одна-одинёшенька и без угла – спасибо власти, которая наш ведомственный дом продала под торговый центр.

На крыльце становилось сыро от ночной росы, а покусанная комарами кожа немилосердно зудела и чесалась. И всё равно в деревне хорошо! Николай Петрович задержал взгляд на красавице луне, плавающей среди облаков, и так же тихо, как вышел на крыльцо, прокрался в спальню.

Интересно, какая история привела Федю в это Подболотье? У мальчишек свои тайны, но если взрослые относятся к детям с уважением, то скоро они становятся друзьями. А Николай Петрович очень хотел, чтоб внук ему доверял.

* * *

Проснувшись ближе к полудню и наскоро ополоснув лицо под пластмассовым красным рукомойником во дворе, Федька обнаружил странное свойство деревни: она существовала сама по себе, вне времени и пространства.

Огромный дымный город, в котором была его квартира, школа, одноклассники, Юлька и противный Ванька Павлищев, лежал где-то далеко, в другом мире, отдельном от росистого куста бузины под окном и заколоченного дома за соседским забором. А остановившееся на старых ходиках время абсолютно не имело значения. Какая разница – десять утра на дворе или одиннадцать. Главное, что взошло солнце, начался новый день, потом будет вечер, а за ним наступит ночь, наполненная снами и шорохами.

Сразу по приезде Федька пробежался по деревенским улицам, с особым трепетом вглядываясь в заколоченные окна домов, ещё носящих на себе следы хозяйских рук. Рухнувший домик у реки был затейливо украшен над дверью деревянным кружевом. А срубленная на века тёмная изба на пригорке стояла крепко, уверенно, словно говоря: «Я здесь главная! Моему плотнику цены нет!»

Жилые дома легко угадывались по распахнутым окнам и половичкам на заборах. Их было всего шесть. И среди погибающей деревни они вызвали уважение своей стойкостью и упрямством.

Дед во дворе сколачивал скамейку, баба Лена полола огород, а предоставленный сам себе Федька, достав из рюкзака помятый листок бумаги в клеточку, решил набросать план поисков рукописи.

Наверное, стоит перечислить старушек. Наморщив лоб от усердия, Федька припомнил вчерашний разговор во время ужина, когда баба Лена по пальцам пересчитала деду всех здешних невест пенсионного возраста.

Федя начал с бабы Лены, она пошла первым пунктом.

Далее следовали имена остальных обительниц Подболотья, приправленные меткими характеристиками хозяйки:

2. Валентина. Ну, про неё всё ясно.

3. Бирючиха Галина. Бирючиха потому, что смотрит исподлобья, как бирюк, и к другим бабам чай пить не ходит, по словам бабы Лены.

4 и 5. Сёстры-кандидатши в одинаковых домашних тапочках. Кандидатши потому, что они кандидаты каких-то ненужных наук.

б. Катька-почтальонша с костылями. Сынок с дочкой у ней в Канаду подались счастья искать, квартиру продали, а Катьку в деревню спровадили. Живи, мол, мама в своё удовольствие в родительском доме.

Последний, седьмой пункт был самым загадочным, потому что туда надо было бы вписать заборную даму, о которой никто ничего не знал и которую видели один раз мельком, да и то укутанную с ног до головы.

Немного подумав, Федька решил не мудрить и записал просто: «Таинственная незнакомка».

Подражая деду, он побарабанил по столу пальцами, рассуждая вслух, – так ему казалось веселее:

– Теоретически рукопись с крюками может храниться у любой из старух. Да ещё надо учесть, что письмо отправилось не по адресу два года назад, а значит, надо, не возбуждая подозрений, расспросить, не жила ли здесь ещё какая-нибудь бабулька... Кроме того, установив хозяйку рукописи, надо втереться к ней в доверие, чтобы она показала таинственные крюки и дала срисовать. А уж дальше дело не станет. Расшифровка с нынешними средствами информации – сушая ерунда. Посидел часок-другой перед компьютером, и – опа! – план сокровища готов.

Припомнив детективные книжки про Шерлока Холмса, Федька сделал попытку рассуждать логически, пересматривая свой список снизу доверху и наоборот. Но мысли из головы улетучились, и, кроме всего прочего, он не разведal, где здесь речка. Оставив на потом глубокие думы, Федька решил для начала просто познакомиться с каждой из бабушек, чтобы понять, какая из них хранит тайну рукописи.

Но, само собой, самое важное сейчас – найти реку и выкупаться, потому что солнце начало приклеивать к спине футболку и прожаривать волосы на макушке.

– Дед, пойдём на реку, баба Лена сказала, что здесь недалеко, – попросил Федька.

Взглянув в просящие глаза внука, Николай Иванович решительно забил последний гвоздь в спинку когда-то голубой скамейки и сообщил хозяйке:

– Елена Ивановна, мы идём купаться.

– В час добрый, – донёсся до них ответный отклик, – купайтесь, но на омута́ не ходите, они у нас бездонные.

Зря баба Лена упомянула про бездонный омут, потому что Фёдор немедленно решил, что если где и купаться, то только там. Что она, старуха, понимает? Наверняка и плавать толком не умеет, а он в пятом классе целую зиму в бассейн ходил. И тренер Вера Михайловна его хвалила. Так и говорила: «Кроль Румянцеву отлично удаётся!»

Он одним прыжком поравнялся с дедом, доставая ему почти до плеча, и стал канючить:

– Дед, пойдём на омут, хоть одним глазком посмотрим, что там за бездонное дно.

К Федькиному удивлению, дед сразу же согласился:

– Пойдём посмотрим, только по пути на деревню полюбуемся, а то я как встал, сразу по хозяйству помогать принялся. Надо же начинать исследовать новое место жительства.

Николай Петрович кинул косой взгляд на внука, подметив, как на миг его лицо хитренько сморщилось, а глазёнки с повышенным вниманием застреляли по сторонам.

На природе внук словно преобразился, а предвкушение купания привело его в такое бодрое настроение, что он даже запел. Легко, звонко, без усилий выводя верхние ноты.

«Сколько раз говорил Татьяне, чтоб отвела Федьку в музыкальную школу», – с раздражением подумал Николай Петрович, давая себе зарок, что по осени непременно покажет внука специалисту или, в крайнем случае, будет оплачивать ему уроки музыки.

– Смотри, дед, вот дом Валентины!

Прервав песню, Федька указал на приземистый домик с покато́й крышей, на крыльце которого стояла грузная женщина в ситцевом халатике. Оттуда послышалось:

– Здорóво, дачники! – Описав полукруг, рука старухи приветственно поднялась вверх. – Сегодня опять жара будет. Ох не к добру.

Почти сразу за домом Валентины промятая в траве тропинка уткнулась в овражек, а потом побежала вниз, к реке, тёмной змеёй мелькающей в высокой прибрежной осоке.

«Осока – от слова “сечь”. Надо было надевать не шорты, а джинсы», – подумал Федька, когда на его ногах зарозовели длинные царапины, горящие, как от крапивы.

Он заметил, что дед как ни в чём не бывало идёт впереди, словно крейсерский корабль, рассекая кроссовками зелёное травяное море.

У берега твёрдая почва под ногами поменялась на зыбкую, и идти стало неприятно, будто ступаешь по застывшему холодцу.

– Заболачивается река, – сказал дед.

Из прибрежных зарослей ему вдруг ответил тоненький, но уверенный голос:

– Раньше мужики пожню подчистую скашивали, вот и была река чистой и широкой. А нынче всё кругом пропадает. Умирает река вместе с нами.

Дед с удивлением поднял брови.

Говорившей оказалась бабуля в тапочках, которую баба Лена назвала кандидатшей. Короткая аккуратная чёлочка, седые волосы, заплетённые в две жидкие косицы и круглые глаза, смотрящие с выражением отличницы, делали её похожей на девочку-школьницу, только старенькую.

Увидев, что её заметили, бабуля не торопясь отжала бельё, которое полоскала длинным деревянным крючком, и с достоинством встала, одёргивая короткую футболку на тонкие треники:

– Разрешите представиться: Вера Степановна Кулик. Кандидат философских наук.

Ветки ивняка раздвинулись в стороны, и из середины куста вынырнула голова ещё одной старушки, как лавровым венком, обрамлённая изумрудной листвой.

– Надежда Степановна Кулик, тоже кандидат наук. Только Вера Степановна защищала диссертацию по марксизму-ленинизму, а я по научному атеизму.

Тонкая нотка вызова в голосе давала понять, что Вера Степановна ждёт реакции на последние слова, но дед, подтолкнув вперёд Федю, лишь улыбнулся:

– Очень приятно познакомиться. Николай Петрович Румянцев. Инженер. Мой внук Фёдор, шестиклассник.

– Шестиклассник – это великолепно! Школьные годы чудесные! – воскликнула Вера Степановна, задорно тряхнув косицами и подняв руку в пионерском салюте. – Пионерия, друзья, совет отряда, сбор металлолома для помощи борцам за свободу Африки! Что может быть интереснее?!

Под таким углом Федька на сбор металлолома не смотрел, а что в Африке со свободой, представлял смутно. Вспомнив про школу и обидную кличку Хомяк, Федька вдруг понял, что его это совсем не занимает, как не занимает то, что происходит сейчас, например, в Новой Зеландии или на планете Юпитер.

Переводя взгляд со старушки на старушку, он понял, что купание в омуте придётся перенести на ночь, так как настало время осуществлять план по внедрению.

* * *

Соорудив на лице умильное выражение, какое любила делать отличница Нинка Орлова, Федька одёрнул футболку и сладким голосом спросил:

– Вера Степановна, Надежда Степановна, позвольте, я вам помогу донести до дому корзину с бельём.

Успев заметить, как округлились от изумления глаза деда, Федька усёк, что его дипломатический манёвр имел успех у бабушек.

Вера Степановна всплеснула руками:

– Тимуровец! Какая редкость в наше время!

Восторг в её голосе заставил Федькины уши порозоветь, как случалось всегда, когда он хитрил. Чтобы заглушить стыд от уловки, он сказал себе, что, действительно, старушкам надо помогать, и уверенно подхватил корзину.

– Ваш мальчик великолепно воспитан.

Дед с достоинством наклонил голову, но Федька прекрасно понимал, что его примерное поведение выглядит в глазах деда подозрительным. Ну и пусть. Главное – побывать у бабулек дома.

– Ты иди, Фёдор, раз вызвался помочь, а потом сразу домой. Надеюсь, дорогу найдёшь?

– Ещё бы!

Сердце замирало от предчувствия неизведанного, словно он шёл не к двум безобидным старушкам, а предпринимал шпионскую вылазку в стан неприятеля.

Бабули, охая и ахая, семенили чуть впереди, отпуская в Федькин адрес такие слова, от которых его уши из розовых превратились в красные, а после и вовсе запылали, словно раскалённые угли.

Дом Куликов стоял третьим по счёту от реки. Крытый почерневшим шифером и крашеный жёлтой краской, он выглядел почти новым, если не считать перекошенные рамы веранды и скрипучую дверь, ведущую сразу на кухню.

– Феденька, ставь корзину сюда. – Вера Степановна чуть не силой выдернула ношу из Федькиных рук, оживлённо кивая головой в направлении горницы. – Проходи, посмотри, как мы живём. У нас так редко бывают гости.

– Да, да, редко, – поддержала сестру Надежда Степановна и пожаловалась: – Честно говоря, Геннадий должен был бы порекомендовать вам остановиться у нас. Мы с твоим дедушкой сразу нашли бы общий язык, как интеллигентные люди с высшим образованием. Но, впрочем, не будем о грустном. Ты проходи, проходи.

Это приглашение как нельзя лучше отражало желание Фёдора.

– Благодарю. С удовольствием.

Припомнив правила приличия, он наклонил голову к плечу и переступил порог, вмиг оторопев от неимоверного количества бюстов и бюстиков Ленина, расставленных в самых неожиданных местах.

Гвоздём коллекции была скульптура размером с годовалого ребёнка. Она возвышалась посреди обеденного стола. На ней вождь мирового пролетариата призывно тянул руку вперёд, указывая на другой свой бюст, примостившийся на краю комода. Третье изображение, покрытое бронзовой краской, пристроилось на полочке возле печки, соперничая формой с массивным гипсовым Лениным в кепке с отбитым козырьком.

Горделиво обведя рукой скульптурное хозяйство, Вера Степановна пояснила:

– Наша с Надюшенькой коллекция. Её начал собирать ещё наш папа – директор Подболотской средней школы, а мы с сестрой продолжили. Да... Когда-то в Подболотье была школа... Надеюсь, нынешние школьники помнят, кто такой Ленин?

Чёрные маленькие глазки старушки испытующе глянули на Федьку, требуя ответа, и он, призвав на помощь все свои знания по истории, неуверенно сказал:

– Глава партии коммунистов?

Получалась игра «Угадайка»: за правильный ответ получишь приз, а за неправильный – шелбан по лбу.

Вспомнилось, как однажды в класс пришёл корреспондент местной газеты и у всех ребят спрашивал: кто такой Ленин? Он, Фёдор Румянцев, был одним из немногих, угадавших пра-

вильный ответ. Марина Шарко ответила, что Ленин – это трансформер, а Настя Богданова думала, что поэт. Учительница тогда поставила Фёдору пятёрку, удивившись, откуда он знает не пройденный ещё материал. А он всего-навсего сумел посмотреть вместе с дедом документальный фильм.

Судя по всему, точный ответ Фёдора о месте Ленина в истории пролился старушкам бальзамом на старые раны, и они, воркуя, как две голубки, принялись суетливо уставлять стол вазочками с печеньем и накладывать в блюдце тягучее варенье со сморщенными ягодами клубники.

Внешне похожие, сёстры отличались манерой поведения. Вера Степановна вела себя величественно, смотрела взыскательно, словно на экзамене, а Надежда Степановна была мягкой, как подушка-думочка.

– Милый мальчик, настоящий пионер, умница. – Пододвинув к Фёдору вазочку с печеньем, Надежда Степановна достала из комода фотографию двух девочек в панамках, белых носочках и с пионерскими галстуками на груди и сообщила: – Это мы с Верой Степановной. Собираем макулатуру.

Федька вежливо покивал головой, соображая, как навести разговор на рукопись, как вдруг Вера Степановна залилась смехом, видимо, вспомнив что-то забавное:

– А помнишь, Надюша, как мы нашли в макулатуре старую тетрадку. Это было как раз перед самой войной.

Печенюшка во рту у Фёдора волшебным образом целиком проскользнула в горло, и он хрипло прошептал:

– Рукопись?

– Конечно, рукопись, – подтвердила Вера Степановна, – как же иначе? В те годы пишущие машинки были большой редкостью, а у нас в Подболотье и подавно.

Старушка долгим взглядом посмотрела на Фёдора, боящегося упустить хоть одно её слово, и спросила:

– Почему тебя, собственно, это так взволновало?

– Ну, я... – Он ненадолго запнулся, но верный ответ пришёл сам собой: – Я люблю историю. Наверно, это так здорово – найти рукопись!

– Надюша, что ты скажешь, если мы подарим молодому человеку ту рукопись?

Пока выносилось решение, Федька сидел ни жив ни мёртв и переводил взгляд с одной сестры на другую. Трогательно прижавшись плечом к плечу, бабули тихонько советовались друг с другом, и Федька почувствовал прилив жалости и раскаяния.

Сейчас они, ничего не зная, отдадут ему ценную вещь, а он только скажет «спасибо» и сделает вид, что ничего не произошло? С другой стороны, зачем старушкам знать о том, что рукопись ценная, если она столько лет валяется у них где-то спрятанная и не приносит никакой пользы? Она им, наверно, совершенно не нужна.

От мыслей, бегущих в разных направлениях, у Феди сначала зачесался нос, потом макушка, потом ухо. Если б старушки посоветовались ещё минут пять, то он, наверное, разодрал бы себя ногтями до крови. Но, как видно, решение было принято, и Вера Степановна твёрдо сказала:

– Фёдор, мы с Надеждой Степановной дарим тебе найденную тетрадь в память о пионерии сороковых годов. Храни её.

– Вообще-то мы хотели подарить её Геннадию Голубеву, но ты тоже вполне достойная кандидатура.

Под одобрительный взгляд сестры Вера Степановна прошествовала к книжному шкафу, увенчанному бюстом Ильича, и щелчок замка прозвучал для Федьки таинственной музыкой.

– Где же она? Помню, в позапрошлом году, когда я перебирала наш архив, тетрадка лежала сверху.

– Посмотри в другой коробке.

Шуршание бумаг затягивалось, превращаясь в пытку, но наконец Вера Степановна с торжеством воскликнула:

– А, вот она! На, Феденька, держи!

В пальцах старушки подрагивала тонкая белая тетрадка с серпом и молотом на обложке.

– Спасибо! Я буду очень её беречь! – звонко выкрикнул Федька, сам не свой от радости.

Но совесть, томившая его всё это время, не могла смолчать, и он добавил: – Я буду всё лето помогать вам, только скажите.

– Спасибо, дружок, – прослезились старушки и одновременно закивали головами так, что косицы Веры Степановны запрыгали по плечам, а коротко подстриженные волосы Надежды Степановны превратились в маленький вихрь.

Не в силах сдерживаться далее, Федька раскрыл первую страницу и увидел крупные буквы, выписанные тщательно, но неумело: «Советы молодому рабочему тракторного цеха». Не веря своим глазам, Федька перечитал вслух: «Советы молодому рабочему тракторного цеха».

Сразу под красной строкой были нарисованы два крюка на тросах – большой и маленький, спускающиеся со стрелы башенного крана, и дан первый совет: «Не стой под стрелой».

Ему показалось, что гипсовый Ленин посреди стола стал похож на Ваньку Павлищева и злорадно подмигивает, кривляясь: «Получил, фашист, гранату?»

Да, граната, которую он получил, была мощной. До свидания, клад, чао-какао, мобильные телефоны и плееры, прощайте, мечты!

Федька почувствовал себя так, как если бы ему вместо обещанного дедом ко дню рождения компьютера последней комплектации всучили грубо сделанную из картона игрушку с нарисованной клавиатурой. Ему отчаянно хотелось плакать.

Старушки поняли его оцепенение по-своему:

– Бери, бери, не стесняйся! Эта тетрадь теперь твоя. Перечитай её, и ты увидишь, как нелегко приходилось твоим ровесникам становиться настоящими рабочими.

Растекаясь в улыбках, они ласково глядели на него, ожидая восхищения подарком, и Фёдор понял, что не может обмануть их ожиданий, и выдал из себя слова признания:

– Спасибо, я всю жизнь мечтал почитать про тракторный цех.

– Видишь, Надя, – торжественно выпрямилась Вера Степановна, обращаясь к сестре, – у нашей молодёжи ещё есть надежда на счастливое будущее.

– Да, Верочка, – пискнула сестра, – но, надеюсь, они не забудут и о научном атеизме.

Она повернулась к Федьке, приложив руку к груди, словно хотела вынуть своё сердце и подарить вместе с тетрадкой.

– Фёдор, – серьёзно сказала она, и Федька понял, что её голос может звенеть металлом не хуже, чем у Веры Степановны, – мы с тобой должны выбрать время и побеседовать о научном атеизме. Если ты вооружишься знаниями по вопросу атеизма, то сможешь избавиться от многих предрассудков. Твоим глазам явится истина верного учения Маркса – Энгельса – Ленина, и ты поймёшь, почему человек погряз в косности и невежестве.

– Ты знаешь, что такое атеизм? – Тоненький пальчик Надежды Степановны нацелился на Федькин лоб.

Сначала он хотел соврать, что знает. Но потом подумал, что она, чего доброго, захочет проверить его знания, и честно признался:

– Нет. – И, уже жалобно, попросил: – Вера Степановна, Надежда Степановна, можно я пойду домой к деду?

– Иди, Фёдор, но помни наш разговор, – позволила Вера Степановна.

А Надежда Степановна, снова превращаясь в милую бабулю, добавила:

– Забегай чайку попить. И деда приводи.

Федя нехотя поплёлся к дому, сжимая в руке тетрадь с советами молодому рабочему. Тайна, ещё утром будоражившая Федыкино воображение и вливавшая в него силы, оказалась нелепой и глупой. Узнай о его секрете одноклассники, хохот стоял бы на всю школу.

– Ну и дурак ты, Хомяк, – надменно сказала бы красавица Ирка, презрительно вздёрнув брови.

Лучший друг Данька Мальков сочувственно хлопнул бы по плечу:

– Прокололся, Хомяч, с кем не бывает.

А то, какую мину соорудила бы сестрица Юлька, и представлять не хотелось. Правильно, что он не стал ни с кем делиться секретом, по крайней мере, теперь не приходится переживать позор.

Разросшийся куст с маленькими красными ягодками внезапно хлестнул Федыку по лицу веткой, возвращая способность трезво мыслить.

«Интересно, а почему неизвестный человек, отправивший письмо, советовал другу заполучить рукопись “Советов молодому рабочему”? Может быть, в них что-то зашифровано?»

Хотя щёки всё ещё горели, словно Федыке надавали пощёчин, его разум и чувства понемногу приходили в равновесие.

– Если не можешь решить задачу, сосредоточься и пересмотри все варианты, – говорила учительница математики.

Решив обстоятельно продумать ситуацию, Федыка перепрыгнул через куст крапивы, отодвинул доску прогнившего забора и втиснулся во двор заброшенного дома – посидеть в одиночестве, чтоб никто не мешал. Небольшая бревенчатая изба почти вросла в землю. Крыльцо представляло собой две чёрные доски, на которые было страшно ступить. Федыка не стал рисковать, а подлез под шаткие перила веранды и уселся на разогретый солнцем пол, подумав, что на нём вполне можно зажарить яичницу.

Солнце разошлось не на шутку, обдавая жаром поникшую траву. Федыке хотелось пить. Он облизал пересохшие губы, переполз в тень и развернул тетрадку. На память он никогда не жаловался и через полчаса вполне мог написать контрольную о том, как раскладывать по номерам гаечные ключи или как опасно курить на рабочем месте.

Неужели ради этих советов неизвестный хотел раздобыть рукопись? В такую наивность верилось с трудом, даже если получатель мечтал приступить к работе именно в тракторном цехе.

Перевернув тетрадь вверх ногами, Федыка попытался разыскать на страницах следы тайнописи. Ничего. Ещё с час он бился, всё ещё надеясь, что сможет подобрать ключик к этому ларчику с шифром. Но все попытки разбивались о твёрдый почерк, не таящий в себе ни одной лишней буквы. Единственное, за что удалось зацепиться, так это за то, что писавший упорно делал ошибку в слове «организация». Но из «аргонизации» выжать спрятанный подтекст тоже не удалось.

От нечего делать Федыка перекатился на живот и, подперев щёки руками, принялся слушать, как в траве на все лады заливаются кузнечики. Упираясь языком в зубы, он постарался воспроизвести цокающий звук, стараясь попасть в тон звучанию насекомого. А когда у него почти получилось, доски под животом мягко просели и, скользя по наклонной, он медленно въехал в прохладный подпол.

* * *

Первое, о чём подумал Федыка, оказавшись в подвале, было то, что дед его, наверно, обыскался. Вторая мысль была связана с отвратительным запахом вроде того, который витает около помоек с забродившими пищевыми отходами. Фёдор понял, что надо бежать как можно скорее.

Встав на четвереньки, Фёдор попытался выползти обратно, ударился затылком о пол и с удивлением обнаружил над головой крышку какого-то люка. Не тратя времени на размышления, Фёдка открыл её, крепко упёрся в пол ладонями, подпрыгнул и оказался около русской печки, занимавшей половину небольшой кухни.

Занавески с кружевами на окнах были задёрнуты, и по избе расплывался полумрак, делавший все предметы загадочными. Пузатый комод, заставленный фотографиями в рамках, крашенный шкаф, потёртая кушетка с двумя вышитыми подушками-думочками – всё выглядело чистеньким, обихожённым заботливой хозяйской рукой.

Глядя на безыскусный уют и порядок, Фёдка даже заколебался, вправду ли он попал в заброшенный дом или хозяйка вышла на минутку и сейчас войдёт в дверь и огреет непрошеного гостя веником по голове, приняв за грабителя.

– Эй, есть кто-нибудь?

Ответом на робкий возглас было жужжание мухи о стекло да поскрипывание пола под ногами. Осторожными шагами Фёдка обошёл избу, состоящую из одной горницы и кухни, остановив взгляд на необычной иконе в углу. Небольшой образ Богородицы был вписан в чёрный ромб, а тот, в свою очередь, в красный треугольник, а красный треугольник – в бежевый овал.

«Кажется, угол, где ставят иконы, называется красным», – вспомнил он уроки истории и картинку русской избы, которую показывала учительница. На том уроке ученики рассматривали иллюстрации с иконами Богородицы, защищавшими Русь от набегов, но такого образа среди них точно не было. Он бы запомнил. Под строгим взглядом Матери Божией Фёдке стало неуютно.

– Я ничего не трогал. И вообще случайно тут оказался, – пробормотал он в своё оправдание, рукой нащупав в кармане брюк свёрнутую в трубочку тетрадку с советами молодому рабочему.

То ли ему показалось, то ли солнце отбросило свой лучик на потемневший образ, но глаза Богородицы посветлели. Стараясь не нарушить тишину и случайно не сдвинуть коврик под ногами, Фёдка вышел на улицу.

По дороге домой он заметил, что, падая, коленку всё-таки ободрал и из ранки красными бусинками выступили капельки крови.

– Подорожник-то послуни да приложи, – тягуче прозвучал старческий голос.

Бабка так притаилась между кустами, что Фёдка её сразу не заметил. Похоже, до пенсии старушка служила в спецназе и хорошо овладела маскировкой, потому что её зелёная юбка, зелёная кофта и зелёный платок почти сливались с пышной зеленью орешника, под который была вынесена зелёная скамейка.

– Спасибо.

Щедро послушенный листок подорожника приятно охладил края царапины, и бабка удовлетворённо кивнула головой, попеняв:

– Ничего-то вы, городские, не знаете. Даже такой малости, к которой любой деревенский пацан сызмальства приучен.

Может быть, в молодости крепкая, рослая старуха и отличалась красотой, но сейчас её лицо казалось больше похожим на заготовку из куска цемента: серое, квадратное, грубое.

Припомнив характеристики на жительниц деревни, Фёдка сделал вывод, что перед ним баба Галя по прозвищу Бирючиха.

Произнеся в уме неласковое старухино прозвище, Фёдка почувствовал в ней родственную душу. Он прекрасно понимал, каково это – знать свою обидную кличку.

Что Хомяк, что Бирючиха – хрен редьки не слаще.

Сочувственно взглянув в бесцветные глаза Бирючихи, Фёдор нерешительно шагнул назад, думая, что надо бы сказать старухе что-нибудь доброе, такое, чтоб у неё целый день было хорошее настроение.

Но, наверное, Федькин язык не был приучен к ласковым словам, потому что говорить отказывался. Бирючиха тоже молчала, только тяжело сопела, иногда вытирая зелёным платком пот со лба, изрезанного глубокими морщинами.

«Может, спеть?» – блеснула вдруг в Федькином мозгу странная идея, и он тихонько, будто бы про себя, завёл песню из фильма «Весна на Заречной улице», которую взрослые всегда затягивали за праздничным столом. «Когда весна придёт, не знаю...»

Сначала он пел полушёпотом, стесняясь звука своего голоса, но мелодия лилась так светло и легко, что мальчик забылся и запел в полный голос.

Оказалось, что петь в деревне – это совсем не то, что на уроке пения, когда на тебя с иронией смотрят одноклассники, а красавица Ирка осуждающе шипит:

– Ты бы помолчал, Хомяк, а то другим мешаешь.

Петь в деревне для одинокой старушки, нахолившейся на скамейке под кустом, – это всё равно что поливать любимый кактус на подоконнике, глядя, как он жадно впитывает воду и начинает сверкать длинными жёлтыми иголками, собираясь зацвести.

...На свете много улиц славных,
Но не сменяю адрес я.
В моей судьбе ты стала главной,
Родная улица моя! —

с чувством допел Федька последние слова, перевёл глаза на Бирючиху и увидел, что она сидит не шелохнувшись в той же позе, а по выдубленным годами щекам катятся крупные слёзы.

Если бы она пошевелилась или посмотрела на него, Федька, наверное, придумал бы, как завязать разговор. Но Бирючиха не двигалась, безучастно глядя в пространство перед собой, и мальчик, стараясь не спугнуть её думы, слегка прихрамывая, побрёл к дому бабы Лены.

* * *

Если бы Галина Романовна Щеглова по прозвищу Бирючиха могла вымолвить хоть слово, она обязательно сказала бы приезжему мальчишке, что своей песней он превратил её душу в лёгкое, невесомое облачко, которое сейчас улетело в далёкое прошлое.

Но парнишка убежал, а она так и осталась сидеть на том самом месте, и даже на той самой скамейке, на которой весёлый кудлатый парень Лёнька из соседней деревни Моховое пятьдесят лет назад сказал:

– Пойдём, Галка, в сельсовет распишемся. А в субботу свадьбу отгрохаем.

– Это ты мне?

От неожиданных Лёнькиных слов она так опешила, что слова во рту превратились в вязкую кашу. Она всегда знала, что некрасива и неловка.

– Как колода. И в кого ты такая удалась? – говорила ей мать, тяготившаяся последним, четвёртым ребёнком. Галка не роптала и не возражала, понимая, что мать ожесточилась не от злости, а от забот. Нешто легко вдове детей поднимать? Да ещё без мужниной пенсии.

Тем бабам, кому пришла похоронка с записью «пал в бою» или «умер от ран», начислялась пенсия по потере кормильца, а тем, чей муж пропал без вести при невыясненных обстоятельствах, ничего не полагалось.

Если б не бурёнка Мошка, пришлось бы милостыню просить. Да и с коровушкой из еды – хлебушек и затируха на молоке, иной раз творожок. С чего красивой вырасти? Не с чего.

На свадьбе Галина сидела торжественно-притихшая, с гордостью поглядывая на разряженных подруг. Смотрите, девки, и на моей улице праздник! Вот тогда, глядя в глаза невесте, Лёнька и рванул мехи трёхрядки, затянув песню из только что вышедшего кинофильма «Весна на Заречной улице». Ах, как она тогда подпевала мужу, застенчиво прячась за фату, сооружённую из тюлевой занавески!

В день её свадьбы с кустов облетала сирень, и мать велела поставить столы во дворе, чтоб соседям не тесниться. Посреди стола величалась отварная картошка, присыпанная первым укропчиком. Продавщица сельмага Люська из-под полы достала ради свадьбы пару килограммов отменной селёдки, истекающей жирком. А главным блюдом был рыбник, состряпанный матерью накануне и успевший набраться лаврового духа.

Толстостенные гранёные стопки глухо звякали за здоровье молодых, бабы кричали «горько», а мужики вели обстоятельные беседы.

Деревня тогда кипела народом. В каждом дворе жила молодёжь, гудела пилорама леспромхоза, работала средняя школа, реял белый флаг с красным крестом над медпунктом с симпатичной кудрявой фельдшерницей Наташей.

Гордостью Подболотья был клуб, стоявший на пригорке среди редких сосенок. Завклубом в сельсовете назначили Таисию – заводную девку из местных – и не прогадали. Каких только мероприятий она не выдумывала! Один раз учителя местной школы даже ставили спектакль «Гроза», где главную роль Катерины играла десятиклассница Надька Кулик. В выходные устраивали танцы под патефон, а дважды в неделю показывали кино. Хорошая была жизнь, хоть и небогатая... И зачем только они с мужем уехали из деревни?

Лёнькина мать тогда плакала, не пускала:

– Куда поедете? Ни кола у вас в городе, ни двора! Всем вы там чужие. Надо жить там, где Господь уродил и к месту приспособил. Помяните моё слово – захотите вернуться, да будет некуда. Умрёт деревня без народа.

Права, во всём права оказалась свекровь. И в городе они не прижились, и в деревню не вернулись, да и возвращаться вскоре стало некуда. За десять лет деревня почти полностью опустела.

Сначала молодёжь на целину потянулась – там правительство золотые горы обещало. Потом недалеко, в Киришах, стали строить огромный комбинат и новый город. А кому охота в избах сидеть да воду из реки таскать, если через несколько лет можно поселиться в собственных хоромах с горячей водой из крана и по вечерам вместо того, чтобы доить корову, пить чай у телевизора? Никому.

Вот и они с Леонидом чемоданы собрали да рванули в Кириши на нефтекомбинат. Лёнька бульдозеристом устроился, ну а она пошла работать бетонщицей. Там услышали про ташкентское землетрясение и про то, что набирают людей на стройку восстанавливать разрушенный Ташкент.

Лицо Галины Романовны отяжелело под грузом воспоминаний, а плечи сразу заныли, словно от тяжёлой работы. Ох и поворочали её рученьки лопатой серое месиво! Другая бы баба не выдюжила неженской работы, но она оказалась крепкого закала.

Через пять лет им с мужем, как передовикам производства, выделили однокомнатную квартиру в панельном доме на окраине Ташкента. Комнатка и кухонька. Куда ни глянь в окно, одинаковые стены, жара да пыль столбом. Деревья чахлые, Божьего храма и в помине нет. Не к чему душе прилепиться, только и есть в жизни что работа да телевизор.

Не выдержал городской тоски Леонид – начал выпивать. Что только она, Галина, не делала, чтоб мужа от зелья отворотить: и к бабкам ходила, и на коленях перед ним стояла, и зарплату отбирала – ничего не помогло.

В родной деревне держали бы коровушек, козёнку завели, курочек да огород свой. Некогда дух перевести. Там, глядишь, и детушек бы Бог дал.

Не счесть, сколько лет Леонид от пьянства промаялся, а когда Советский Союз распался и Узбекистан стал отдельным государством, в одну из ночей Леонида убили. Кто знает, как он оказался на другом конце города, с какими друзьями время коротал, но только нашли его на пустыре с проломленной головой. Никакого расследования не было, правда, дело для проформы завели.

Пожилой следователь с фамилией Плотников, дай Бог ему здоровья, глядя в дрожащее лицо Галины Романовны, посоветовал:

– Продавайте имущество, квартиру и бегите отсюда в Россию, а то поздно будет.

А куда бежать, к кому? Голова седая, спина болит день и ночь, да и возраст уже... Не послушалась она следователя, осталась в своей квартире, рассудив, что кусок лепёшки всегда найдёт. Ох как она ошибалась! С работы выгнали, пенсию не платили, сбережений никаких нет.

А вскоре не то что куска лепёшки – воды в кране не стало, а на улицу к водопроводной колонке она и нос высунуть боялась. Местные националисты могли за один цвет глаз головой в сточной канаве утопить. Спасибо, помогала соседка Олма – давняя подруга. Она-то и не давала с голоду умереть. Но и Олма однажды ночью, когда все в доме спали, кошкой поскреблась в дверь и протянула Галине Романовне в руки пять долларов – всё, что у неё было.

– Уходи, Галя, немедленно. Больше я тебе ничем помочь не могу. Слышала я, как Рустамка с Темиром говорили, что не хотят русских в своём доме видеть. Уходи, Аллахом прошу.

Соседских парней Рустама и Темира Галина помнила ещё черноголовыми голопузыми малышами, вечно лазавшими по скамейкам под окнами и гонявшими кошек в подвале. Сколько раз она совала им конфеты в потные ладошки или помогала дотянуться до звонка на двери квартиры.

– Рустамка и Темирка? Нет!

Но заплаканные глаза Олмы говорили «да», и Галина Романовна, покидав в большую хозяйственную сумку столько вещей, сколько могла унести, ушла на вокзал, откуда ещё ходили поезда в Россию.

«Когда весна придёт, не знаю...» – напевала в поезде краснощёкая проводница, поившая беженку бесплатным чаем с сушками. Галина Романовна благодарила, пила чай и молчала, потому что знала: её весна больше не придёт никогда.

От горестных воспоминаний кусала костяшки пальцев, затыкая рвущийся из груди всхлип и понимая, что ушедшего не воротить, а от прожитых лет только и осталось, что эта песня, которую так хорошо спел приезжий мальчишка. И подумала, что когда приедет Генка с автолавкой, надо будет купить конфет да угостить паренька, так сладко и горько разбередившего душу.

* * *

Стиснув зубы, Генка Голубев стоял напротив высокой ширококостной женщины, несмотря на жару, одетой в синий костюм из блестящей синтетики, и униженно молчал. Женщина была начальницей районной налоговой инспекции, а он – мелким предпринимателем. Настолько мелким, что, придя из армии, год мотался по стране, рубя дачи на заказ, чтобы заработать на старый грузовичок немецкого производства и кое-какие продукты для открытия автолавки.

Нет, конечно, он легко мог бы, как все его сверстники, осесть в городе, отказывая себе во всём, копить на жилплощадь, жениться и в конце концов превратиться в обыкновенного обывателя, живущего в своё удовольствие. Мог бы! Но как же тогда его старики, по десятку-другому в каждой деревне? В том, что они никому не нужны, он убедился, приехав домой в двухнедельный отпуск из мотострелковой части, где служил механиком-водителем танка Т-90.

Отца он не помнил, а мать жила здесь, в райцентре, лет десять назад получив от хлебо-завода квартиру в хрущёвке.

Первые пару дней отпуска очумевший от свободы Генка мотался по друзьям, приходя домой только под утро. На третий день мать слегла.

– Гипертонический криз, – сказала молодая докторша, с сочувствием выписывая рецепт. – Буду договариваться насчёт госпитализации, а пока пришлю вам медсестру, она сделает курс уколов. Но вообще дело плохо. Советую готовиться к худшему.

Её слова словно огрели Генку пудовым обухом по голове: мать он любил. Других родных у Голубевых не было, поддержки ожидать не приходилось, и он, ночь прометавшись по крохотной квартирке, спозаранок побежал в церковь, перестроенную из клуба пивзавода. Пусть батюшка помолится у постели матери, чтобы она пошла на поправку. Что там попы делают в таких случаях? Шагнув за калитку и разглядев замок на двери церкви, Генка свернул к маленькому голубому домику, в одном окне которого горел свет.

– Да спит ещё отец Георгий, – сказала дородная тётка в платке, – дождись хоть семи утра.

– Некогда мне. Мать умирает. – Последнее слово далось ему с невероятным трудом, наливая язык чугунной тяжестью.

Пока он неловко топтался на крыльце, поджидая батюшку, глаза то и дело заливало холодной слезой, а руки, державшие сигарету, дрожали словно в лихорадке.

Пытаясь прикурить, Генка вдруг упёрся взглядом в крест колокольни и дал себе слово, что если мать выживет, то он больше не будет ни пить, ни курить.

– Что у вас случилось?

Резко развернувшись, Генка встретил доброжелательный взгляд молодого батюшки, почти его ровесника. Сигарета в пальцах переломилась напополам. Не зная, куда её девать, Генка сунул раскрошенный табак себе в карман и шевельнул губами:

– Мама...

– Пойдёмте.

Мать в живых они уже не застали.

Отпев усопшую, отец Георгий крепко взял Генку за плечо и уверенно сказал:

– У Бога смерти нет.

– Нет, – машинально кивнул Генка, отупевший от боли и страха.

Он, взрослый парень, чувствовал себя жалким и потерянным щенком, которому хотелось одного: дрожа всем телом, забиться под кровать, прильнуть к поношенным маминым тапочкам и скулить. Тонко и безнадежно.

В доме суетились соседки. Генка кого-то узнавал, кого-то видел впервые, кивал, здоровался, иногда вырываясь из пелены горя. На столе, прикрытая полотенцем, стояла сковородка с тушёной картошкой, которую ещё мама приготовила для него, и он не знал, куда девать эту картошку: он не мог её съесть и не мог выбросить. Опомнился он вечером, когда покойницу увезли и под окном загорелся фонарь, заливая светом помятую кровать матери со снятыми простынями и завешанное чёрным зеркало. В квартире установилась тишина, но по осторожным шагам на кухне Генка понял, что не один в доме.

Со стула он поднимался как немощный старик, опираясь руками на колени и ища ногами опору. Но всё же преодолел слабость и вошёл в кухню. У окна стоял отец Георгий.

Не зная, как обратиться к священнику, Генка застыл, глядя в доброжелательное лицо:

– Вы?

– Я. – Батюшка развёл руками в стороны и предложил: – Геннадий, у меня к вам предложение. Через два дня я еду по деревням своего прихода. Поедем со мной?

В какую же деревню они приехали первой? Кажется, в Березайку. Да, точно, в Березайку, где рядом вдоль дороги стояло двенадцать жилых домов, в которых жили одни старики и

старухи. Нет. Не так. Старухи и три старика. Жигулёнок отца Георгия едва устоял под напором сельчан.

– Батюшка, отец Георгий!

Старушки, радуясь, как дети, складывали ладошни под благословение. Старики, независимо стоя в сторонке, всем видом старались выказать безразличие, но их рты неудержимо расползались в улыбках.

– У них так мало радости, – шепнул Генке отец Георгий, принимаясь выгружать из багажника сумки, набитые хлебом.

– А это зачем? – удивился Генка, хорошо помнивший, что ещё пару лет назад почти в каждой деревне был маленький магазинчик, хотя и скудно, но обеспечивающий жителей необходимым.

– С прошлого года снабжение прекращено как нерентабельное, – пояснил священник, на ходу раздавая буханки в протянутые руки. – Кто будет себе в убыток работать? Никто.

После обеда батюшка служил молебен, на который собралась вся деревня, включая дедов, сосредоточенно сжимавших свечи в пальцах, похожих на корни старых деревьев. Бабули в платочках стояли благостные, подтягивали батюшке тоненькими голосами. И такой покой растекался в воздухе, что Генка внезапно всей кожей, всем нутром понял то, что сказал ему у материной домовины отец Георгий: «У Бога смерти нет».

С той минуты Генка выполнил своё обещание, данное на крыльце у церкви: не пил и не курил, а демобилизовавшись из армии, завёл автолавку и ездил по сёлам и в снег, и в зной. Он уже не мог их бросить, никому не нужных стариков, доживающих свой век в заброшенных деревнях. Не мог, как часовой не может оставить свой пост...

– ...Вы слушаете меня, Голубев? Когда научитесь правильно оформлять документацию? – Резким движением инспекторша сунула ему в руки налоговую декларацию: – Бухгалтера заведите себе, что ли!

* * *

Бабу Лену и деда Федьку застал во дворе. Они стояли под нарисованным на стене дома очерившемся в улыбке розовым зайцем и беседовали. От скользящей по морде зайца тени дерева его глаз томно подмигивал, словно давая понять, что видит и знает все подболотские тайны.

Чуть влажные волосы деда венчиком окружали лысину, на которую вместо панамы от солнца он пришлёпнул носовой платок, завязанный узлами по четырём сторонам.

– Понимаешь, Петрович, сердцем беду чую, – отрывисто говорила баба Лена, раскладывая по стопкам снятое с верёвки бельё. – Давно не упомяну такого жаркого лета. Смотри: все прудки во дворе пересохли. В омуте на реке в берегах рачьи норки видать. Это когда же такое было?

Она в сердцах шлёпнула полотенцем по проползавшей по скамейке мухе, чуть не попав Федьке по носу.

Проследив за траекторией удара, дед остановил свой взгляд на Федькиной коленке с приплюснутым подорожником и спросил недовольно:

– Явился? Долго гулял, я уж беспокоиться начал.

– Чего меня искать! Я бабушкам Кулик помогал, – огрызнулся Федька, нарочно выставя вперёд коленку, чтоб дед понял, как тяжело ему пришлось.

– Надьке с Веркой, что ли? – живо поинтересовалась баба Лена. – Вот нахалки! Не дали людям оглядеться, как уже на работу к себе припахали. Кандидатши! Что с них взять – к работе не привыкшие.

Презрительно поджатые губы и сурово сдвинутые брови подчеркнули отношение бабы Лены к Вере Степановне и Надежде Степановне. Явно собираясь развить тему о сёстрах Кулик, баба Лена поставила руки в боки, но дед Коля не дал ей договорить. Он развернулся к внуку, оценил разбитую коленку, перепачканное пылью лицо и растрёпанные волосы и властно командовал:

– Сейчас веду тебя купаться, а потом вместе будем чинить забор.

– Чинить забор! – восхищённо всплеснула руками баба Лена, обращая лицо к розовому зайцу. – Не иначе, как мне с вами счастливая лотерея выпала!

Забор так забор. Всё равно рукопись теперь искать не надо. Глубоко вздохнув, Федька покорно поплёлся за дедом, думая, что молодому рабочему тракторного цеха, судя по записям в тетради, тоже приходилось несладко.

На забор ушло несколько дней. Если бы раньше Федьку спросили, как чинить забор, он бы ответил:

– Плёвое дело! Купите в магазине рейки и накрутите их шуруповёртом на поперечные перекладины. Легко и быстро. А ещё лучше – приобретите пластмассовый забор, как на рекламном щите у цветочного магазина.

Здесь, в деревне, оказалось, что починка забора – дело нешуточное. Сначала неуклюжей лучковой пилой, похожей на огромный лобзик, дед пилил рейки, поручив Федьке маленьким острым топориком затёсывать их вершины. Топор не слушался, пот заливал глаза, палец левой руки как пикой пронзила огромная заноза, а на правой ладони запузырились водяные мозоли.

Потом они вдвоём с дедом выбрасывали на поверхность каменистый грунт, вкапывали новенькие столбы из толстых брёвен.

– Ты, Феденька, ещё камушками их обложи понизу, чтоб покрепче стояли, – командовала из окна баба Лена, помолодевшая от радости. Завидев у колодца соседок, она громко хвасталась: – Видали? Жильцы забор мне новый ладят! Правда, красивый?

В ответ старушки угрюмо отмалчивались, согласно кивая головами, и рядом выстраивались вдоль бабы-Лениных владений понаблюдать за работой.

В выцветших глазах старух вместе с завистью читалась такая тоска, что Федька решил про себя уговорить деда подлатать заборы и остальным жителям деревни.

Рукопись искать теперь не надо, появилось свободное время. Хотя мысли о ней и царапали душу разочарованием, но за нелёгкой работой как-то отходили в сторону, словно умолкали, уступая место усталости.

...А в городе старухи только раздражали Федю своей назойливостью и вездесущностью. Например, соседка с первого этажа, толстая седая Потапова, всё время ворчала, когда он хлопал входной дверью, а один раз выскочила и дала ему подзатыльник.

Но по сравнению со старухой из соседнего подъезда Потапова казалась наивной ромашкой. От той бабки стонал весь дом, а особенно автомобилисты, которым она регулярно сыпала под колёса битое стекло.

– Ездют и ездют, – потрясая просяным веником, кричала старушенция с балкона второго этажа, когда очередная машина тормозила под её окнами, – наворовали денег, накупили машин, чтоб у них всех фары полопались!

«Вредная, злая, сумасшедшая», – как только не припечатывали бабку жильцы! Федька тоже прежде думал, что она явно не в себе, но теперь постепенно стал понимать, что, наверное, ей очень плохо жить одной и кричит она не от злости, а от одиночества. Пришёл бы кто-нибудь к бабушке с букетом цветов и добрым словом, глядишь, она и утихомирилась бы.

Мало-помалу Федькины руки окрепли и приспособились к работе. Топорик в руке лежал уже не кое-как, норовя вырваться, – держался словно влитой. Тюк по одной стороне, тюк по другой – и заострённая рейка легла в штабелёк.

– Эй, поторопись, не ленись, – покрикивал он на деда, когда тот начинал отставать в работе.

– Что, Петрович, совсем тебя внук загонял? – жалостливо интересовалась у Николая Петровича баба Лена и с восхищением добавляла, вгоняя Федыку в ещё больший задор: – Ловок парень! Руки из нужного места растут!

После таких слов топорик начинал тюкать с невероятной быстротой, а Федыка жалел только об одном: что его сноровку не видят одноклассники, и особенно девчонки. Пусть посмотрят, каков Хомяк! Небось другие мальчишки и топор-то правильно держать не умеют, не то, что рейки обтёсывать.

После особенно удачных ударов он представлял, как к нему развинченной походкой подходит Ванька Павлищев и начинает глумиться:

– Что, Хомяк, принёс должок?

– Какой должок?

Федыка бы неспешно разогнулся, вытер пот со лба и как бы в задумчивости покрутил топориком, наблюдая, как белой полосой поблёскивает отточенный край. Больше он ни слова не сказал бы Павлищеву – много чести, но Ванька наверняка и сам бы понял, что Румянцев ему теперь не по зубам.

После работы топором Феде пришлось освоить молоток. Огромный, ржавый и длинно-мордый.

– Другого нет, – сказала баба Лена, – в моём хозяйстве только два молотка. Поменьше, половчее – Петровичу, а этот – тебе.

Федыка принял в ладони новый инструмент и, потрогав нагретую на солнце сталь, подумал, что молоток этот видел много мужицких рук и, может быть, сейчас жалеет, что достался мальчишке-неумёхе.

– Ничего, молоток, мы с тобой договоримся, – пообещал он и, присев на корточки, принялся приколачивать рейки к длинным сосновым жердинам, которые они с дедом накануне принесли из ближайшего леса.

На радость Федыке молоток слушался прекрасно, забивая гвозди с трёх ударов. Получалось так лихо, что Фёдор приноровился выстукивать мелодию, подпевая про себя в ритме вальса: «Раз-два-три, раз-два-три».

Всё бы хорошо, если бы не жара. Она, проклятая, не давала спокойно работать, заставляла то и дело припадать пересохшими губами к ковшику с ключевой водой. Немного полегче стало тогда, когда дед догадался мочить в холодной воде рубахи и мокрыми надевать на голое тело. Но всё равно с каждым днём становилось всё жарче и жарче.

В пятницу невыносимая жара загнала деда после обеда спать, и Федыка решил, что сейчас самое время тихом сбежать проведать большой омут, про который баба Лена хвалилась, что он бездонный. Занеся ногу через порог, Фёдор надумал на обратном пути дать крюк к дому таинственной отшельницы, залезть на дерево и издали понаблюдать за передвижениями на закрытой территории.

* * *

На омуте они с дедом уже пару раз были, но купаться дед не разрешал.

– К чему рисковать, если совсем рядом чистое русло?

Действительно, сразу с мостков можно было любоваться чуть желтоватой водой, в глубине которой стрелками мелькали стайки крошечных ярких рыбёшек с прозрачными плавниками.

– Карасики, – объяснил дед.

Федьку магнитом тянуло к краю омута, загадочно поблескивающего зеркалом чёрной воды. А ну как не в болоте, а тут, в бездонном омуте, потонула конница Чингисхана? Ну если и не вся конница, так хоть один-то воин наверняка ушёл на дно... От такой мысли щёки разгорелись, а ноги сами собой повернули в сторону омута, по краям поросшего длинными косами бордовых водорослей.

Путь к омуту лежал через заросли ивняка, росшие так кучно, что обходная тропинка шла по самому краю реки, и несколько раз Федька с трудом балансировал над водой.

Над головой с шорохом проносились стрекозы, блестя на солнце тёмно-синим гляncем туловища, в траве пели кузнечики, и весь мир вокруг дышал покоем и негой, которую хотелось оживить песней. Плавной, тихой, задушевной. Такой, которая не нарушала бы тишину мира, а лишь подчёркивала его красоту. Понизив голос почти до шёпота, Фёдор попытался пропеть несколько высоких нот. Получилось неплохо, особенно если вслушаться в шелест листвы и постараться попасть в тон.

Чтобы настроить голос, Федя остановился, зажал уши руками и прогудел про себя придуманный только что мотив. Голова заполнилась гулким звуком, словно глиняный кувшин, в который он любил дуть в детстве.

Федька вставал на табурет, дотягивался до кувшина и, поднеся губы к раструбу горловины, самозабвенно дудел в самую середину. Звук в кувшине бился о стенки, гудел, звенел и охал.

Однажды Фёдор так заигрался, что не услышал, как в кухню вошла Юлька.

– Ты что тут делаешь? Всё маме скажу!

Федька покачнулся на табурете, разомкнул руки, и кувшин упал на пол, разлетевшись на две половины. Хорошо, что мама не ругалась...

На самой высокой ноте дыхание в груди закончилось, и Федька отнял руки от ушей, не сразу поняв, что в сонное речное царство вплёлся резкий шум: в стороне омута кто-то барахтался, плескался и фыркал.

Там тонет человек!

Не рассуждая, Федька раздвинул кусты, хлестнувшие его по щекам, и рванул к омуту.

– Держитесь! Я иду!

Осот обвивался вокруг ног, словно желая удержаться на месте. Федька навернулся на едва зажившую коленку, приподнялся и сразу увидел омут, в котором плескалось что-то большое и тёмное, похожее на лошадь. Молнией в мозгу промелькнула мысль о татарской коннице на чёрных конях, затерявшейся среди здешних болот и иногда выходящей наружу из своего плена. Неужели он сейчас увидит нечто таинственное, неведомое, такое, что ещё не видел ни один человек на свете?!

Но нет! Не может быть!

Федька усиленно заморгал, стараясь сделать взгляд острее, и, затаив дыхание, с опаской подошел поближе, готовый в любую секунду дать стрекача. В висок больно тукнула не рассчитавшая путь стрекоза, но он не обратил на неё никакого внимания, напряжённо вглядываясь в барахтающееся в омуте существо. Точно, лошадь. Другого мнения быть не могло. Гладкая тёмно-коричневая шкура, лоснящаяся от капель воды, мощная шея, гладкий круп, пару раз мелькнувший над зеркалом омута. Не веря своим глазам, Федька покрутил головой в поисках всадника, но убедился, что на берегу он один.

Поскольку Фёдору ни разу в жизни не доводилось подходить близко к лошади, он опасался оказаться на её пути. Кто знает, что на уме у коня без хозяина?

Отчаянно жалея, что на его мобильнике нет камеры, чтобы запечатлеть это событие, Федька пригнулся, чтобы не мелькать макушкой среди прибрежных кустов, и, представляя себя разведчиком, стал мягко продвигаться к омуту, прислушиваясь к ржанию.

Но животное барахталось молча, судорожно дёргаясь из стороны в сторону, и Федька отчётливо понял две вещи: то, что оно не купается, а тонет, и то, что это не лошадь, а лось. Точно такой, как на фотографии в кабинете биологии: с длинной горбоносой мордой, широкими рожками и небольшими глазами, смотрящими жалобно и доверчиво.

Со стороны казалось, что лося в омуте держит за ноги невидимая рука. Каждый раз, когда ему удавалось всплыть, рука с силой тянула вниз, погружая животное всё глубже и глубже. Могучий лесной зверь погибал, но не сдавался, пытаясь вырваться. Вода заливала ему глаза, ноздри. Лось мотал головой, вздрагивал в немом крике, рвался, рассекая волны, но с каждой минутой его силы слабели. На какое-то мгновение Федьке показалось, что животное сдалось и сейчас совсем уйдёт под воду, оставив несколько больших кругов, которые вскоре снова превратятся в ровную гладь. Это было жутко.

– Не сдавайся! Держись! – стискивая потные кулаки, закричал Федька и почти взвыл первое пришедшее на ум: – Господи, помоги!

Из глаз потоком хлынули слёзы, серыми полосами размазываясь по щекам, голос то срывался, то пропадал, но Федька исступлённо, словно в последний раз в жизни не переставая твердил:

– Господи, помоги!

Заливистый мальчишеский крик подхлестнул угасающие в неравной борьбе силы. Налитым кровью глазом лось повёл на звук, невероятным усилием напрягая последние силы.

– Ну-ну, давай! Дава-а-ай!

И вдруг, словно по волшебству, раздвигая грудью воду, лось поплыл к берегу, по которому в отчаянии метался Федька. Опершись передними ногами о слежавшийся илистый грунт, сохатый соскользнул вниз, и Федькино сердце упало вместе с ним, а мускулы непроизвольно напряглись, словно делясь своей силой.

– Лось, лосюшка, жив, дурачок, иди ко мне! – Руки сами тянулись к животному на помощь.

Со второй попытки лось выбрался сам и, покачиваясь, медленно побрёл в лес, не обращая внимания на коренастого паренька.

«Жив! Жив!» – беззвучно пело внутри Федьки, заставляя его по дороге домой приплясывать от радости. Но когда он дошёл до околицы, то вдруг понял, что устал, как после трудной контрольной, когда волнуешься, не зная ответа: выдержал экзамен или нет. И пусть сегодняшний экзамен был чужой, но он его выдержал вместе с лосем. Выдержал!

«А за заборной бабкой я завтра послежу», – подумал он, предвкушая, как расскажет деду и бабе Лене про самого настоящего лося и про бездонный омут, в котором может потонуть огромное животное.

Но назавтра последить за заборной бабкой не удалось, потому что им с дедом на голову, как Тунгусский метеорит, свалилась Юлька.

* * *

Конечно, ни в какую деревню Юлька ехать не собиралась. Вот ещё, позориться! По деревням на каникулы пусть приезжие расползаются, а коренным горожанам место на даче или на заграничном курорте – людей посмотреть, себя показать. Тем более что недавно на распродаже в фирменном магазине удалось урвать последнюю пару сногшибательных босоножек на платформе, которые сидели на ножке так, что закачаешься. Самое то – пройти в новых босоножках по морской набережной, чувствуя себя морской нимфой, прекрасной и недоступной. Да и мама дала понять о солидном поощрении за сданную без хвостов сессию.

С началом лета все девчонки-однокурсницы приходили на сессию в обновках и упоённо трещали о приближающихся каникулах.

– Ветер странствий выдул из пустых голов студентов остатки знаний. Ставлю зачёты только из чувства самосохранения, – с грустью констатировал профессор Орленко, вытирая пот с крутого лба, пересечённого морщинами.

Слова Орленко к совести не воззвали, потому что вместо выгрызания знаний из гранита науки студенты с головой погрузились в обсуждение предстоящих поездок.

– В Сочи дорого, в Абхазии опасно, на Украине с билетами плохо. Остаётся Турция, Кипр или Египет, – деловито переговаривались между собой однокурсницы, прикидывая, кто куда поедет.

Манерная Ленка Комкова как бы невзначай упомянула, что приглашена на недельку в Швейцарию к одному молодому человеку, который собирается предложить ей руку и сердце.

– Не знаю, ехать или нет, – на всю аудиторию откровенничала конопатая толстуха Ленка, поигрывая кисточкой на новой сумке из тиснёной кожи. – Говорят, что в Швейцарии хозяева дома обязаны каждую неделю стричь кусты на своём участке и мыть тротуар перед домом. А у моего Мишеля вилла с садом: работы – непочатый край.

– Так тебя туда садовником приглашают? – не выдержала Юлька.

– Ты и рада хотя бы садовником, да никому не нужна, – обрезала Комкова.

Она выразительно повела глазами на Свербицкого, что-то нашёптывающего на ухо Лизке Вахрушевой. А та то и дело широко распахивала глаза и по-лисьи облизывала губы, словно собиралась проглотить Валентина вместе с ноутбуком.

– Очень надо.

Юлька небрежно поправила волосы и с трудом заставила себя выдавить беспечную улыбку.

– Ну, не скажи, – проговорила Комкова, не понижая голоса, – весь курс знает, что ты положила глаз на Свербицкого.

Желание треснуть Комкову по голове стало таким нестерпимым, что Юлька зажмурилась и принялась считать до десяти, надеясь остыть и не сорваться на сцену, которую сплетницы стали бы с упоением обсуждать до самых каникул.

– Раз, два, три...

Краем глаза Юлька заметила, как на неё уставилось несколько пар глаз, а подружка Катя делает ей знаки замолчать.

– Да, кстати, Румянцева, ты уже решила, куда едешь отдыхать? Небось, как все, в Турцию? – оторвал её от счёта голос Вахрушевой.

Лизка в костюме цвета хаки стояла около сидящего Валентина, положив ему руку на плечо в позе «я с Мухтаром на границе». На её остреньком личике явно читалось желание побольнее уколоть Юльку, а кривая улыбочка подсказывала, что каверза уже продумана.

Не торопясь и сосчитав два раза по десять, Юлька хотела было ответить утвердительно, тем более что действительно собиралась в Анталию, но промолчала. Вахрушева действовала на неё всегда таким образом, что у Юльки возникало желание всё говорить и делать поперёк. И если бы Лизка вдруг восхитилась, какого насыщенного цвета алая блузка, надетая на Юльке, то та тотчас возразила бы, что блузка зелёная.

– Смотри, смотри, сейчас будет цирк, – уловил слух чьё-то тихое перешёптывание, и Юльке стало так противно-противно, словно она вляпалась пальцами в липкое месиво.

Ну нет! Она никому не доставит удовольствия посмеяться над собою. Раскрасневшись от внезапно принятого решения, Юлька сообщила, что едет в глухую деревню Подболотье.

– Вот это да!

Кисточка от сумки Комковой, оторвавшись, шлёпнулась об стол, рука Лизки соскользнула с рубашки Свербицкого и, сжав кулачок, подпёрла талию, а подруга Катя удивлённо подняла плечи.

Это был Юлькин звёздный час. Вмиг почувствовав себя на высоте положения, она небрежно откинулась на стуле и снисходительно пояснила:

– Отстали вы от жизни. На курорты в наше время ездят пожилые тётки и малолетки, а креативные люди предпочитают экстремальный туризм.

Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Волей-неволей, кляня себя за длинный язык, вечером пришлось сообщать родителям, что она решила ехать в Подболотье к Фёдке с дедом.

«На неделю, не дольше, чем на неделю, а потом на курорт. И волки сыты, и овцы целы», – мысленно уговаривала она сама себя, глядя, как мама отставила в сторону уютю и радостно закричала в сторону дивана:

– Слышишь, Олег? Юляша решила присоединиться к Фёде с дедом. Значит, на отложенные деньги в Турцию поедет мы с тобой!

Согласное бурчание отца прозвучало для Юльки ударом молота, заколачивающим крышку гроба с безвременно усопшими каникулами. Такой подлости она не ожидала. Ну, всё! Пропало лето.

Сварив себе чашечку кофе, Юлька заперлась в комнате и, вдыхая крепкий аромат, принялась страдать, не забывая, однако, поглядывать в зеркало, отмечая, как она выглядит со стороны. Следы драмы красиво оттенили глаза тёмными полукружьями и высветлили щёки, подчеркнув нежную линию пухлых губ. Отвлечённо подумалось, что если бы сейчас эту грустную девушку из зеркала мог увидеть Валентин Свербицкий, то Вахрушева мигом улетела бы за горизонт.

«Подожди, Елизавета, приеду из деревни и утру тебе нос. Валентин будет мой», – мстительно пообещала Юлька, включая компьютер.

Подумав, что в деревне наверняка нет Интернета и, упаси Боже, компьютера, Юлька застонала и, положив руки на клавиатуру, принялась дробно выстукивать на своей страничке «ВКонтакте»:

Прощайте, други! Решила оторваться по полной и рвануть на природу.
Устала от города, шума и суеты. Хочу с головой окунуться в тишину леса и
утонуть в озёрной глади.

Красиво сказано. Пусть приятели узнают, какая она романтическая натура. Немного полюбовавшись на написанное, Юлька подумала, что утонуть она всё-таки не хочет. Ещё поймут как попытку суицида и назовут ненормальной.

Она переписала последнюю фразу, и получилось ещё лучше:

Хочу с головой окунуться в тишину леса и утонуть в озёрной глади
любимых глаз.

Едва палец успел отправить послание, как последовал ответ от острого на язык парня под ником Сеня:

Я тебе завидую.

«Завидуем! Здорово! Ты – молодец! Ждём фоток!» – со всех концов страны валились ответы от виртуальных друзей, поднимая градус Юлькиного настроения, но всё-таки не настолько, чтобы ей действительно захотелось в это Подболотье.

Коротко взрыднув, Юлька утёрла злые слёзы и завалилась спать, мысленно вычёркивая из жизни приближающиеся каникулы. Если бы она сослала себя в деревню с подружкой Катюхой, ещё куда бы ни шло. Но провести лето с никчёмным братом Фёдкой, похожим на игрушечного пупса, и с дедом, который поучает её на каждом шагу... От одного этого можно с ума сойти.

А уже через неделю студентка четвёртого курса Юлия Румянцева с отвращением оглядывала завалившийся набок бывший железнодорожный магазин на станции Глубокое, понимая, что её новые босоножки и брендовые джинсы здесь никто не оценит. Разве что тот парень с

автолавки, которого стрелочница посоветовала попросить подвезти её до Подболотья. Кажется, его зовут Генка.

«Генка! Какая пошлость!» – фыркнула про себя Юлька и, волоча за собой чемодан на колёсиках, нехотя пошла к жёлтому фургону, презрительно глядя на тошего и лопухого парня, протиравшего грязной тряпкой лобовое стекло.

* * *

Тряпка ездил по стеклу, ещё больше размазывая серую грязь, и Генка подумал, что надо бы сыпануть на неё немного стирального порошка, да и вообще не мешало бы вымыть машину. Но он так выматывался, что сил хватало только на то, чтобы добраться до дома, перекидать из фургона в холодильник скоропортящиеся продукты и завалиться спать. Даже телевизор не включался уже месяца два, с тех самых пор как в деревнях стало прибывать население и нехитрый товар автолавки разгребали с колёс.

Да ещё это пекло распроклятое. Торчишь в раскалённой кабине, как переспелый помидор в парнике: кожа красная, сок капает, а жар не убывает. Он смачно плюнул на прилипшую муху, потому что лень было тянуться за бутылкой воды. В боковом стекле увидел незаметно подошедшую фифу в таком наряде, что для выражения своих чувств Генке пришлось плюнуть на стекло ещё раз.

Девушка, кстати очень симпатичная, вырядилась в короткие белые шорты, малиновую майку, рыбьей чешуёй отблескивающую на солнце, и босоножки на такой гигантской платформе, что казалось, к ногам привязаны два утюга.

– Привет, – сказала девушка, долбанув чемоданом по колесу машины.

– Привет.

Тряпка продолжала возить по стеклу, но до бутылки с водой Генка всё-таки дотянулся и обильно оросил присохшую грязь. Дело пошло быстрее. Девушка выжидающе молчала, полагая, что хозяин фургона кинется предлагать ей свои услуги.

Стекло наконец заблестело, и Геннадий удовлетворённо нырнул в кабину, не обращая на девушку никакого внимания. Хочет стоять у машины – пусть стоит, место не купленное. Как только рука водителя уверенно легла на руль, а нога надавила на педаль сцепления, девушка заявила тоном, каким иные невежи подчас разговаривают с таксистами:

– Мне до Подболотья.

– И что? – Неопределённо пожав плечами, Голубев выкинул палец в направлении леса: – Вам туда. Через десять километров дойдёте до места назначения.

Выговаривая это, Генка кинул косой взгляд на лицо девушки, заметив, как её ресницы дрогнули, а брови сурово сошлись к переносице.

– Как это «дойдёте»?! – Девушка с возмущением уставилась на Генку, словно он предложил ей что-то неприличное, и выпалила без всякой связи: – Я же девушка!

– Неужели?

Считая разговор оконченным, Генка повернул ключ зажигания, в душе понимая, что, конечно, как миленький подвезёт настырную фифу. Куда она поковыляет на таких копытах? До Подболотья и в резиновых сапогах не каждый день пройти можно. Но уж очень хотелось осадить заносчивую девушку, считающую себя выше других.

Звук мотора подействовал на приезжую отрезвляюще, и возмущённое выражение на хорошеньком личике сменилось удивлённым, а затем и растерянным. Оно очень шло девушке, делая её простой и доверчивой.

– Ладно, залезай! – Вздыхнув, Голубев приоткрыл ручку соседней двери, приглашая пассажирку на сиденье.

– Спасибо.

Напрягая руки, фифа принялась запихивать на сиденье серебристый чемодан размером с половину хозяйки.

Генка нехотя сполз с сиденья, вытирая со лба выступивший пот, – пока он грузил товар, солнце почти достигло зенита и палило немилосердно – и сказал:

– Давайте помогу.

Чемодан весил килограммов тридцать, и когда Гена завалил его набок в кузов, поместив среди банок с зелёным горошком и лотков с хлебом, девица взвизгнула:

– Осторожнее, не поцарапайте!

Пересиливая желание оставить чемодан вместе с девицей прямо на дороге, Голубев выразительно хмыкнул и молча вернулся на своё сиденье, дожидаясь, пока пассажирка устроится рядом, надменно сопя, словно он своим обшарпанным фургоном намеренно оскорбил её достоинство.

Думая о том, как повезло девушке, что именно сегодня он едет в Подболотье, Геннадий надавил на газ и направил фургон по узкой дороге.

Малярша баба Лена просила привезти сушек и пару пачек пилёного сахара для дачников, а сёстры-кандидатши деликатно намекнули, что не отказались бы от палочки-другой полукопчёной колбасы, до которой они были большими охотницами.

Колдобина шла за колдобиной, машина громыхла и пыхла, издавая жалобный скрежет, но девица не жаловалась, видно, решила, что шофёр специально испытывает её терпение, и дала себе зарок не показывать слабость.

От девушки нежно пахло мандаринами, и если бы не злое выражение тонкого лица, то Голубев мог бы признать, что она ему понравилась. Впрочем, скоро ему стало не до пассажирки, сверкающей голыми коленками, потому что фургон подъехал к торфяной дороге, вспучивающейся под колёсами зыбким месивом. Генку всегда настораживал этот участок дороги, таящий в себе что-то тёмное, неизведанное. Поговаривали, что много лет назад именно здесь ушёл под землю трактор местного лесничества, провалившись в пустоту, которая скрывалась под слоем торфа. Чуть съедешь с дороги или занесёт на мягком грунте – и крышка. Пойдёшь знакомиться с конницей Чингисхана.

Когда машина, сбросив скорость, осторожно объезжала опасное место, девица разомкнула губы и небрежно поинтересовалась:

– Скажите, а в этом Подболотье много молодёжи?

– Молодёжи?!

От неожиданного вопроса нога Голубева даванула на газ, и машина, резво пробуксовав колёсами, села на брюхо.

– Приехали! Станция Березайка, а ну-ка вылезай-ка, – ядовито сказал Генка и сообщил: – Будете рулить.

Лучше бы он не говорил этих слов, потому что фифа, пулей вылетев из кабины, упёрлась глазами в его лицо и, трясась от негодования, выпалила:

– Знала бы, что с таким чайником еду, – пешком пошла!

– Скатертью дорога.

Мрачное лицо Генки не предвещало ничего хорошего, и девица смягчила тон, видимо, сообразив, что при плохом раскладе ей несколько часов топтать до Подболотья.

– Я не умею водить машину.

– Я покажу. Это несложно.

Усадив пассажирку на водительское место, Голубев в нескольких словах объяснил, что делать, с сомнением глядя на высоченную платформу босоножки, водружённую на педаль газа.

Обойдя машину, он привычно налёг плечом на задний борт фургона, напрягая мышцы до хруста в суставах. Не беда, не в первый раз. В весеннюю распутицу он на этом же месте

так засел, что плечи были чёрными от синяков и болели руки, когда он раздавал привезённый товар.

– Издержки профессии, – рассматривая Генкины кровоподтёки, сокрушённо подводил итог отец Георгий, с которым он в редкие свободные минутки ходил порыбачить на озёра.

Они понимали друг друга без слов, потому что отец Георгий знал местные дороги как свои пять пальцев и не раз, закатав рясу и стоя по колено в грязи, выталкивал свой жигулёнок из обширных луж и болот.

Раскачиваясь из стороны в сторону, кузов мелко дрожал под руками, которые моментально стали мокрыми.

– Давай!

Машина содрогнулась и, чавкнув колёсами, жуком выползла из низины.

– Молодёжь, говоришь? – утирая пот и переходя на «ты», вспомнил Генка. – Через полчаса приедем, и будет тебе молодёжь.

* * *

В Подболотье ожидать Генку начали ещё с вечера. Автолавка была единственным мостиком, перекинутым между заброшенной деревней и цивилизацией под названием райцентр, поэтому каждый приезд фургона становился маленьким праздником, к которому готовились с волнением.

Старушки Кулик подкрашивали губы, баба Лена на всякий случай варила компот, вдруг Геннадьюшке захочется попить, Галина Романовна с утра пораньше занимала пост на скамейке под кустом, чтобы первой увидеть, как, вырубивая из леса, подпрыгивает на грунтовке весёленький жёлтый фургончик. Валентина караулила автолавку у избы, а Катька-почтальонша вешала на костыли авоську для продуктов, чтобы не забыть дома.

Из всех обитателей деревни Подболотье не ждали фургон только за высоким забором с колючей проволокой.

Зимой Генка возил продукты два раза в месяц после разутюживания дороги старым лесхозовским трактором, а летом старался навещать раз в неделю, по четвергам. С утра пораньше затоваривался у оптовика Семёна Васильевича, потом трясся по зыбкой дороге, расторговывался в Подболотье и держал путь дальше, в следующую деревню, в которой осталось два жилых дома.

Выручка копеечная, мороки много, но Голубев знал, что если он не приедет хоть раз – привычный уклад жизни в деревне рухнет. Однажды по весне он банально проспал и в Подболотье попал уже к вечеру, нащупывая фарами дорогу в лесу. Бабки ждали. Все шесть. Чинно сложа руки на коленях, они сидели на бревне за околицей и не сводили глаз с дороги. Когда Генка был мальчишкой, так настороженно и тоскующее ждала его из школы собака Бойка.

– Ну что ж ты, баба Лена, мне не позвонила? – с ходу попенял он тогда малярше – единственной обладательнице мобильного телефона, который он сам же ей и дал на всякий пожарный случай – «скорую», например, из райцентра вызвать.

Пожевав губами, шустрая баба Лена жалко скукожилась и что-то пробормотала про то, что негоже зазря людей беспокоить, у них есть свои дела, а глядя в заплаканные глаза бабы Вали, моргающие от света фар, Геннадий понял, что больше он задерживаться не будет.

– Приехали в Подболотье, – возвестил Голубев городской фифе и добавил: – А вот и молодёжь подошла.

В окне мелькнули несколько старушек и дед с Федькой. Юлька лихорадочно полезла в карман за расчёской, приготовившись так грациозно выпрыгнуть из машины, чтобы все ахнули от восхищения. В поисках сверстников она обвела глазами убогую улицу с покосившимися домами и поняла, что кроме бабок и брата с дедом рядом нет ни одной живой души.

Ехидная ухмылка шофёра усилила неприятное предчувствие, стёршее с Юлькиного лица надменное выражение.

«Неужели я влипла?»

Навстречу ей плыли старушечьи лица. Морщинистые, тёмные, беззубые, раскрасневшиеся от жары, они казались враждебной силой, ненавидящей всё молодое и крепкое. Их голоса были похожи на скрип несмазанной двери, а морщинистые руки, тянущиеся к машине, вызвали в Юлькиной душе чувство протеста перед природой. Нет! Она такой не будет никогда!

Самым противным было то, что бабки беззастенчиво осматривали её с ног до головы, словно куклу в витрине магазина, да мало того что глазели, ещё и позволяли себе подтрунивать:

– Генушка, сынок, скажи, кого это ты к нам привёз? Никак невесту?

Предположение старух, что она может оказаться невестой неопрятного деревенского парня с торчащими ушами, казалось возмутительным, и внутри Юльки всё кипело.

– Хороша, ничего не скажешь! Ишь, глазами так и зыркает!

Если бы не мысль, что обратно топтать по грязной дороге десять километров, Юлька без звука рванула бы обратно, и пусть Лизка Вахрушева задавится своими комментариями.

Но шум старушечьего щебета перекрыл голос деда:

– Это моя внучка Юлечка! Очень хорошая и добрая девушка.

Было заметно, что за короткое время дед сумел завоевать себе авторитет среди местных жителей, потому что бабки разом замолчали и стали смотреть приветливее, а сухая старушонка в розовом халате с зайцами сунула ей худую ладошку:

– Баба Лена.

– Юлия, – автоматически пожала руку девушка. Она неестественно выпрямила спину, ловя на себе осуждающие взгляды.

– Ишь вырядилась, – громким шёпотом сказала длиннолицая старуха, которую баба Лена называла Валькой, – постыдилась бы в приличном обществе голыми лытками сверкать. – И, переменяв тон, выкрикнула: – Геннадьюшка, соколик, ты не забыл мне лекарства привезти?

– Не забыл, баба Валя.

Из кузова автолавки в руки старухи перешла картонная коробка, и Юлька отпрянула в сторону, кинувшись к деду с братом, словно утопающий к спасательному кругу.

Угрюмый в городе, дед в деревне выглядел цветущим здоровяком с румянцем во всю щёку. Старые синие шорты и дырявая майка, перепачканная на животе землёй, шли ему гораздо больше шерстяных брюк и жилетки со множеством карманов.

Дед любовно поцеловал её в щёку:

– Умница, умница, что приехала!

А Федька, улыбаясь во весь рот, выхватил из рук чемодан на колёсиках, и Юлька в первый раз за всю жизнь вдруг заметила, какие славные у её брата глаза: мягкие и глубокие, как дымчатое стекло.

– Юлька, здесь так здорово! Ты не представляешь!

Глаза брата горели восторгом, он взахлёб принялся пересказывать, как они с дедом чинят бабе Лене забор, а потом планируют подлатать заборы и остальным старушкам, как он научился работать топором и как в омуте тонул лось.

Рассказ про лося требовал подробностей, в которые Юльке не хотелось вдаваться. Федька трещал без умолку, уверенно катя чемодан по тропке, а она смотрела в спину брату и с тоской думала, что он несёт сущий вздор. Ничего хорошего в деревне быть не может. Деревня и есть деревня.

Новые босоножки, на которые деньги копились полгода, на глазах покрывались пылью, а расшитая пайетками майка выглядела смешно и нелепо, словно ёлочная игрушка на майской берёзе. А она, дура, натолкала в чемодан свои лучшие наряды! А тут небось даже Интернета

нет. Жуткая мысль заставила её закусить губу и срывающимся голосом выкрикнуть Фёдке вопрос:

– Фёдь, а интернет-клуб тут где-нибудь есть?

Брат обернулся:

– Да ты что? Тут и телевизора-то нет! Вернее, есть у сестёр Кулик, но там только три программы.

Прощайте, прощайте, френды, ожидающие фоторепортажей, новости в «Живом Журнале» и общение на форуме! Жизнь теряла смысл.

– А бабули тут добрые, – продолжал гудеть Фёдка, – они тебе понравятся, вот увидишь. Я не знаю только одну, ту, что живёт за забором с колючей проволокой. Там какая-то тайна.

– Тайна? – неожиданно заинтересовалась Юлька, обрадованная, что нашлось хоть какое-то развлечение.

– Ага, тайна.

– Ну, эту тайну мы раскроем! – уверенно пообещала сестра. – Надо же чем-то заниматься. Поём, обустроюсь, и расскажешь мне обо всём.

* * *

Подболотские старухи вставали рано и с самого утра начинали перекликаться друг с другом, повышая голос до уровня шума самолётного двигателя:

– Валька, а Валька, ты жива?

– Жива! Только спину разломило, мбчи нет! – несло в ответ через несколько домов.

Вслед за перекличкой начинала звякать колодезная цепь, истошно лаять приبلудная собачонка бабы Кати – почтальонши, а сама почтальонша, стуча костылями, ковыляла к бабе Лене чайку попить и обсудить последние новости.

Шумная возня старух Фёдке спать не мешала: за день он так уставал, что спал без просыпу. Но тихий щелчок замка на Юлькином чемодане он услышал сразу. Фёдка приблизил глаз к дырке в пологе и увидел сестру. Она медленно перебирала вещи, прикидывая на себя то одно, то другое, словно собиралась на вечеринку.

– Ты куда?

Яростно перекопав ворох цветных тряпок, сестра нашла что-то золотистое и пробормотала:

– Я им покажу.

– Кому?

Ответ Юльки был короток и информативен:

– Старушенциям!

«Чего это она взбесилась?» – удивлённо подумал Фёдка.

Спать легли вполне мирно. Долго пили чай с сушками. Дед рассказывал, как ему хорошо в деревне, баба Лена чинно сидела, сложив руки лодочкой, и согласно кивала головой на каждое слово деда, а Юлька в свою очередь пояснила, что продвинутая молодёжь считает – в Турцию ездить немодно, и туда поедут родители, прикупив горящую путёвку.

От Юлькиных отрывистых реплик сон мгновенно улетучился, и теперь Фёдке захотелось узнать, в чём причина необузданной злости.

– Ты чего, Юль?

Секрет раскрылся просто.

– Ты послушай, что они говорят!

Сестра кивнула головой на дверь, из-за которой раздавалось позвякивание чашек и разговор:

– И не говори, Лена, в наше время так девки не ходили, – как в пустой бочке гудел бас Катьки-почтальонши. – Попробовали бы мы с голым брюхом прогуляться, да в таких туфлях, что мои костыли, – мать живо хворостиной отходила бы.

– Нынешние матери не отходят, – философски ответила баба Лена, – им некогда детей воспитывать. Они то работают, то телевизор смотрят.

– Во-во, – загудела почтальонша, – распустили молодёжь. Работать не хотят, учиться не хотят, сидят на шее у родителей, один компьютер на уме.

Хотя разговор напрямую Юльки не касался, Федька понял, что она приняла слова на свой счёт и завелась не на шутку.

– Я... я... – захлебнувшись от возмущения, Юлька снова погрузила руки в чемодан и пригрозила: – Я нарочно так выряжусь, что они все ахнут!

Лихорадочно выудив ядовито-синие блестящие леггинсы, сестра в одно мгновение натянула их на себя и, повернувшись к Федьке спиной, облачилась в коротенький топик, едва прикрывающий грудь.

– Ну как?

Федька снова приблизил глаз к дырке и скривился. Юлька была похожа на диковинную русалку или, если точнее, на пёструю рыбу-попугай из рекламы океанариума. Довольная молчанием брата, Юлька зачесала волосы наверх, соорудив из них что-то наподобие гребня, вставила в уши по пять серёг и решительно шагнула в кухню.

– Ты, помнишь, Лена... – Голос бабы Кати оборвался, и в доме наступила тишина, прерываемая тиканьем ходиков.

Получилось как в цирке, когда клоун выходит на арену: сначала зрители молчат, силясь осознать происходящее, а потом разражаются аплодисментами.

Федька хотел даже выбраться из кровати, чтобы успеть ухватить самое интересное, но услышал только, как хлопнула входная дверь. В окне мелькнул Юлькин ирокез из русых волос.

– Дедуля, я на речку.

Уставившись в окно, Федька увидел, как дед, строгавший какую-то деревяшку, невозмутимо поднял голову, осмотрел Юлькин наряд, но ничего не сказал и снова занялся своей работой.

«Кремень, а не дед. Его Юлькиными нарядами не проймёшь!» – восхитился про себя Фёдор, решив, что настало его время идти завтракать.

Баба Лена с вечера обещала ему яишенку стукнуть. Как он и угадал, на сковородке лимонным желтком пузырилась яичница, а из чайника густо пахло чаем со смородиновым листом.

– Вот парень молодец, хорошего воспитания, – заявила баба Катя, завидев Фёдора, – не то что сестра.

Отставив костыли в сторону, она подобно горе возвышалась напротив шуплой бабы Лены и, растопырив пальцы, прихлёбывала чай из глубокой тарелки для супа.

– Чтоб быстрее остыл, а то и так жарко. Семь потов сойдёт, пока допьёшь, – пояснила старуха, уловив Федькин взгляд.

Она с силой дунула в тарелку, разогнав мелкую рябь кипятка, и шумно втянула в себя содержимое. По бледному лицу бабы Кати с тремя подбородками сразу становилось ясно, что жару она переживает с трудом. То и дело, отставив тарелку с чаем, старуха через юбку гладила руками распухшие коленки и, отдуваясь, утирала мокрый лоб.

Федька уже знал, что сейчас баба Катя, вытянув губы трубочкой, с умилением примется рассказывать о своих детях. Это был привычный утренний ритуал, который баба Лена, наизусть знавшая про Люсеньку с Жориком, пропускала мимо ушей.

Но Федька ещё не успел выслушать про детей бабы Кати от слова до слова, поэтому ему приходилось принимать огонь на себя. Выхлебав из тарелки последнюю каплю, баба Катя

двумя пальцами поймала на губах чайнику, обтёрла руку о застиранный фартук в цветочек и откинулась на стуле, мрачно подведя итог обстановке в обществе:

– Да, нет сейчас в молодёжи воспитания и почтения. Не знаю, куда смотрят родители. – Она сурово взглянула на Федьку, и он, торопливо пихнув в рот кусок яичницы, согласно кивнул головой. Удовлетворённая его жестом баба Катя продолжила: – Вот я и говорю. Не умеют нынешние родители детей воспитывать. То ли дело мои Люсенька с Жориком! Уж такие славные ребята, такие уважительные. Я для них ничего не жалела. Не доедала, не допивала, но новое платьице Люсюшке всегда справляла, да и Жорика не обижала: что просил – всё получал. Да не завалыщее, а самое лучшее. Люсенька моя замуж за богатого вышла. Ох за какого богатого! – Баба Катя сделала паузу и в восхищении закатила глаза. – А уж какая у них компания подобралась: одни банкиры и предприниматели. Все люди интеллигентные, образованные. Люся мне так и сказала: «Ты, мама, нас не позорь, сиди и молчи. О как! В люди моя дочушка вышла, деревенские ей теперь не ровня».

Горделиво расправив плечи, баба Катя забросила в рот кусок сахара и с шумом засосала, переходя к воспоминаниям о сыне:

– А Жорик мой, тот сызмальства был увёртыш – из любой беды вывернется. Вот когда он выучился и пошёл в банк работать, то сразу разбогател. В газетах про него много писали, что вор он. Но это всё враньё! Жоренька наветов слушать не стал, а собрал вещички да и уехал в Канаду, а после к нему уже и Люсенька перебралась. Там, в Канаде, у них дома огромные, с нашей полдеревни будет. – Рассказчица обвела рукой избу, показывая, какие огромные дома у Жорика с Люсенькой. – И меня детушки не забыли – позаботились, чтоб мне хорошо было. Перед тем как уехать, Жорик самолично меня сюда отвёз и тысячу долларов мне оставил. На проживание, значит. Я тебе, Феденька, сейчас его фотокарточку покажу.

Дряблая рука с раздувшимися, словно сосиски, пальцами скользнула в карман фартука и вынула на свет яркое фото, заботливо обёрнутое в полиэтиленовый пакет. Молодая полная женщина с теннисной ракеткой в руках обнимала за плечи одутловатого мужчину в белом костюме.

– Это Люсенька, а это Жорик. Правда, красавчик?

Глаза бабы Кати легко подёрнулись влагой, а голос зазвучал тише и мягче, словно его смазали сливочным маслом. Развернув стул, старуха села прямо напротив Федьки, давая понять, что желает немедленно осчастливить его рассказом о детстве Жорика. Делать было нечего.

Загнанный в угол Федька глубоко вздохнул, приготовившись слушать бабу Катю, но дверь внезапно распахнулась, как от порыва сильного ветра, и влетевшая в кухню Юлька не своим голосом заорала:

– Зайцы! Зайцы!

* * *

Растрёпанный ветром ирокез на Юлькиной голове выглядел так, словно её волосы от ужаса встали дыбом, а озадаченное лицо деда, маячившее за спиной сестры, доказывало, что произошло что-то серьёзное.

– Какие такие зайцы, мои, что ли? – лягушкой выпрыгнула из-за печки баба Лена и громко заохала: – Уж я их рисовала-рисовала, две банки краски извела! Что с ними такое стряслось?

– Не ваши, – раздосадованно замахала рукой Юлька, – настоящие!

– Настоящие?

С набитым ртом Федька ужом проскользнул между Юлькой и дедом и, опережая всех, выскочил на крыльцо, замерев от неожиданной картины: прямо по деревне из леса скакали зайцы. Один, второй, третий... десятый.

Пружиня тела, зверьки скачками двигались вдоль улицы, то и дело шарахаясь в кусты, но вскоре снова выпрыгивая и продолжая путь в дальний лес с другой стороны Подболотья.

Никогда прежде Федька не видел живого зайца так близко. На картинках косые выглядели иначе: маленькие, уютные, пушистые. Настоящий же заяц, размером с небольшую собаку, казалось, состоял из одних жил, обтянутых неровно окрашенной шкурой грязновато-коричневого цвета.

Было в этом бегстве что-то неестественное, непонятное и оттого тревожное. Люди, не смея пошевелиться, молча смотрели вслед зайцам, пока баба Катя не стукнула костылём о пол:

– Ох, не к добру это. Мать рассказывала, такой гон как раз перед войной был, когда я в люльке качалась. Животные, они всякую беду наперёд чуют.

Баба Лена мелко-мелко закивала в знак согласия и закрестилась на восток:

– Спаси, Господи, и сохрани супротив всякого обстояния.

– Вот к чему приводит невежество, – раздался от калитки высокий голос Надежды Степановны. – Сколько раз я тебе, Елена, доказывала, что Бога нет, а ты всё крестишься. Ну подумайте сами: какое отношение имеет Иисус Христос к напуганным зайцам? – Старушка выступила вперёд из тени куста и оказалась посреди двора.

Сегодня она связала косицы пучком и стала похожа на тощую белку, перебирающую лапками в поисках орешка. Только вместо орешка Надежда Степановна держала пустую банку.

– Николай Петрович, вы же образованный человек, как вы можете мириться с такой косностью? – обратилась она к деду. – Подтвердите, что Бога нет! Мы с Надеждой Степановной устали бороться против религии в одиночку.

Федька метнул на деда испытующий взгляд. Он заметил, что Юлька тоже приоткрыла рот в ожидании дедова отклика, одновременно пристально разглядывая неожиданную гостью. Дед кашлянул, и Федька предположил, что сейчас последует шутка и дед сведёт спор к веселью. Но прозвучавший голос не содержал и тени шутки.

– Любезная Надежда Степановна, не могу поддержать вас в вашей убеждённости и уверен, что верующие имеют полное основание на свои взгляды. Никто не доказал, что Бога нет.

– Как не доказал? – От возмущения старушка выронила банку на землю, и она покатила по траве, испугав кошку Рыжку. – Я доказала. Я защитила диссертацию по научному атеизму!

Воинственно подняв подбородок и переступив через свою банку, Надежда Степановна подошла вплотную к деду и выпалила:

– Нет ни единого доказанного свидетельства того, что человек видел Бога.

– Но ведь и ум никто не видел, – парировал Николай Петрович, – и совесть понятие нематериальное, но они есть, и вы не можете этого отрицать!

– Игра словами, любезный друг. Большинство учёных твёрдо стоит на позициях материализма. Могу назвать множество знаменитых имён...

– Не трудитесь, Надежда Степановна, я тоже могу назвать вам фамилии учёных, которые искренне веровали. Взять, например, Ломоносова или Исаака Ньютона. Наверно, и про профессора гнойной хирургии архиепископа Луку Войно-Ясенецкого вы слышали?

«Ну и дед! – ахнул про себя Федька. – Откуда он столько знает? Так и режет, так и режет!»

Побледневшие щёки Надежды Степановны дрогнули от негодования.

– Не ожидала встретить в вас идеологического противника. Ладно серые старухи, не получившие образования, – она махнула рукой на дёрнувшуюся от обиды бабу Лену, – но вы, мужчина, инженер, и верите в боженьку!

Последние слова Надежда Степановна договаривала скороговоркой, пятясь назад к калитке, словно опасаясь, что баба Лена выльет ей на голову кадку воды или баба Катя огреет костылём. Дед прищурился и поднял голову к небу.

– Верите вы в восход солнца или не верите, но оно восходит. – И, поворачивая разговор в другое русло, Николай Петрович добавил: – Похоже, жара спадать не собирается.

– Нет силушки, спарились всей деревней, как окуни в ухе, – подхватила беседу баба Катя, запирая калитку за уходящей Надеждой Степановной.

Скрипя костылями, она медленно отошла в тень и, пройдя несколько шагов, остановилась:

– Ну, Петрович, ты даёшь! Лихо Куличихе рот заткнул. – Потом, переведя взгляд на Юльку, с хитринкой сказала: – А ничего у тебя внучка, справная. Её бы подстричь, как мою Люсеньку, может, и на человека станет похожа.

От сомнительного комплимента Юлька вспыхнула, как растопка в бабы-Лениной печке, и если бы дед упреждающе не положил ей руку на локоть, баба Катя наверняка услышала бы много интересного из лексикона современной молодёжи.

– Молчи, молчи, – сделал Юльке круглые глаза Фёдка, – чего с бабкой связываться! Пойдём я тебе лучше покажу старинную тетрадку, которую мне старушка Кулик подарила. Вот эта, что с дедом спорила, – он припомнил слово, – атеистка.

– Старинную тетрадку? – В Юлькиных глазах промелькнул интерес. – Покажи. А что там?

– Советы рабочему тракторного цеха. Про крюки и механизмы, – гордо сообщил Фёдка и похвастал: – Представляешь, как интересно?

Бросив на Фёдку испепеляющий взгляд, Юлька выразительно скривила рот, показывая своё отношение к тракторным цехам:

– Представляю.

Пока шёл спор между дедом и Надеждой Степановной, зайцы разбежались, оставив после себя промятые стёжки, насквозь прошивающие некошеную траву.

Трескаясь коркой под ногами, земля просила дождя.

– Спекается торф, – мимоходом заметила баба Лена, когда он расспрашивал о том, не находили ли местные жители старинного оружия на болоте, – там уже ничего не найдёшь, только сам утонешь. Хотя, – она на секунду задумалась, – время от времени тут шныряют городские парни, расспрашивают про старину. Правда, они больше иконами интересуются да старыми книгами. А у нас в деревне их и нет ни у кого. Если только на чердаках в сундуке случайно завалились.

– А у вас завалились?

Фёдкино сердчишко стукнуло от приятного предчувствия.

– У меня-то? – Розовый халатик бабы Лены колыхнулся от смеха. – Если вам интересно, то залезайте да смотрите. Что найдёте – всё ваше.

* * *

– Ещё пять минут, и мы сваримся вкрутую, как два яйца, – предупредила Фёдора Юлька, когда они шли по мосткам, настеленным на чердаке между балками.

– С мостков не сходите, – предупредила баба Лена, – потолок в одну доску положен, да и те подгнили. Ну да ничего, на мой век хватит.

Неподвижный воздух, разогретый слоем чёрного рубероида на крыше, горячим коконом обволакивал тело.

– Не хотел бы я быть курицей-гриль в духовке, – пыхтя пошутил Фёдка, представив свою кожу покрытой золотистой румяной корочкой, присыпанной солью и специями.

Из досок на потолке торчали ржавые гвозди, а из небольшого полукруглого окна в торце чердака полосами падал свет, заставляя шевелиться тени в укромных углах. Они напознали друг на друга, словно живые существа, высвобождая из своего плена то старую гармонь-трёхрядку с оторванными кнопками, то самовар с отломанными ручками.

– Винтаж, – авторитетно заявила Юлька, оценивая обломки былой жизни. – Сейчас на него самая мода.

Никакое пекло не заставило бы сестру и брата Румянцевых слезть вниз. Они чувствовали себя первооткрывателями, держащими в руках ключи от далёкого прошлого. Около самого входа остовом погибшего корабля возвышался ткацкий станок с натянутыми вертикально суровыми нитями. Рядом стояла корзина пустых деревянных катушек.

Юлька заинтересованно провела мизинцем по нитям, словно играя на арфе.

– Такие станки уже лет сто не делают, нам в музее экскурсовод рассказывал.

– Смотри, сундук!

– Где?

Протянув руку, сестра шевельнула пальцами в направлении окна. Федька прищурился. Между двумя толстыми балками был затиснут огромный сундук красного цвета, по бокам обитый металлическими полосами.

– Ух ты! Я даже мог бы на нём лечь! – восхитился Федька, пытаясь первым добраться до диковинки. Но Юлька решительно приставила ладонь к его груди:

– Твой номер последний. Я сундук увидела!

Мало того, что сундук выглядел как клад с пиратскими сокровищами, он был заперт на огромный ключ, торчащий из замка и восхитительно окутанный паутиной.

– Как серая фата, – сказала Юлька, – липкая, наверно, и с пауком. Ты смахни её, Федька.

– Сама смахивай, – недовольно буркнул Федька, но паутину смахнул, благо рядом висел непонятный инструмент вроде серпа с двумя ручками.

С поспешностью, словно сундук может испариться в тягучем воздухе, Юлька с Федькой одновременно положили руки на крышку, не решаясь приоткрыть тайну. Вблизи стало видно, что тёмно-красная поверхность дерева испещрена тонкой сетью мельчайших трещинок, а железо по краям кое-где покрыто ржавчиной. Едва различимой жёлтой лентой сундук опоясывала надпись, затейливо выведенная крупными буквами: «Не хвались серебром, хвались добром».

Федька спросил шёпотом:

– Можно я открою? Я же пыль стряхивал.

Протянутая к ключу рука Юльки остановилась на полпути, и снисходительный голос позволил:

– Открывай.

Ключ со скрежетом лязгнул, и Федька, торжествуя, откинул крышку.

Выпирая наружу лохматым боком, из недр сундука упруго вспучилась свалывшаяся шуба из искусственного меха.

– Фу, – выдохнула Юлька с выражением разочарования, – я думала, там что-нибудь интересенькое будет.

Подумав, что в эту жару шуба как раз то, что надо, Федька вытащил её наружу, чуть не задохнувшись от крепкого запаха какой-то травы, которой были переложены упакованные стопками вещи.

Смешные туфли с гнутыми каблуками, две разномастные галоши, одна из которых почему-то была красная, три рваных шали, отрез тюля в чернильных пятнах и картонная коробка из-под обуви, в которой лежал серый фарфоровый слон с гравировкой на боку: «Лене от Оли в день окончания школы». Больше в сундуке ничего не было.

Осторожно вытащив статуэтку слона, Федька взял её двумя руками за бока, поднеся к свету, и, глядя на серый фарфор, вспомнил тесную однокомнатную квартирку, наполненную газом, и взмах лапы нахального кота.

– Да ведь этот слон такой же, какой разбился у соседки! – пробормотал Федька, предположив, что в прошлом веке магазины страны были заполнены стадами слонов, слоних и слоников.

– Давай поставим бабе Лене на комод. Наверное, она о нём забыла!

– Поставь, – равнодушно сказала Юлька, – кому нужна эта дребедень!

Но вдруг поднесла палец к губам, призывая к тишине. Юлькин взгляд был направлен в окно вверх Федькиной головы, а чтобы лучше видеть, она встала на цыпочки.

– Смотри, смотри...

Широко распахнутые глаза Юльки подчёркивали написанное на лице оживление, которое вызывалось тем, что было за окном.

– Мне не видно, скажи, что там? – Капля пота с Федькиного лба упала на фарфоровую статуэтку в коробке и медленно соскользнула вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.